

Ж У Р Н А Л Ъ
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

издаваемый

Николаемъ Брусиловымъ.

ЧАСТЬ III.

Въ Санктпешербургѣ, 1805.
печатано въ Императорской Типографіи.

**Съ дозволенія Санктпетербургскаго
Цензурнаго Комитета.**

Ж У Р Н А Л Ъ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Сентябрь. 1805.

№ 9.

I.

Исторія бѣдной Марьи.

Нѣжныя души! чувствительныя сердца! вамъ хочу говорить о Марьѣ, вамъ повѣствую плачевную исторію несчастной ея жизни — милая красавица! вамъ посвящаю трудъ мой. Щастливъ, щастливъ буду, если бѣдствія Марьи пронупѣ сердца ваши и извлекутѣ слезу сердечную — — А вы! холодныя души, каменные сердца! не читайше сей повѣсти — я не для васъ пишу!

Въ окрестностяхъ Москвы бѣлоканенной, въ прекрасной деревушкѣ, ле-

*

жащей на берегу Москвы-рѣки, жила Марья, дочь богатаго опшкупщика — милая, прелестная дѣвушка, какихъ мало на свѣшѣ и какими только Москва богата. Съ добрымъ сердцемъ, прекраснымъ лицомъ, ангельскою душою, Марья ожидала только человека, которому бы могла опдать свою руку и сердце. Ей не нужно было богатства — ей надобенъ только былъ человекъ, который бы любилъ ее; но кто могъ не любить Марьи?

Марья еще въ младенчествѣ лишилась матери — съ тѣхъ поръ шайное предчувствіе несчастія всегда ея шерзало — будучи одарена отъ природы всѣмъ, Марья съ самаго младенчества носила въ душѣ своей какую-то печать меланхоліи, которая какъ камень лежала на ея сердцѣ и изображалась во всѣхъ чертахъ ея лица. Для чего ли создано было сіе прекрасное твореніе, чтобы спрдасть и въ снѣнаніяхъ окончить дни свои?

Марья, въ припадкахъ меланхоліи своей, часто ходила по рощамъ и до-

линамъ, одна — въ сердечной скорби своей. Прекрасныя мѣста, вѣшисый дубъ, журчащій ручеекъ, составляли все блаженство Марьи. Часто въ пикомъ уединеніи просиживала она до глубокой ночи. Отецъ ея не былъ охотникъ до прелестей природы и часто бранилъ ее — Марья была невинна въ душѣ своей и упреки отца не могли къ ней относиться. Иногда въ пикой, весенній вечеръ Марья садилась пригорюнившись у окна — смотрѣла на синее небо, на свѣшлой мѣсяцъ — иногда жемчужная слеза сверкала на черныхъ ея ресницахъ и при шомномъ свѣтѣ луны, блискала какъ прозрачной алмазъ.

Но о чемъ же грустила Марья? — ахъ! эшо трудно извяснить! Марья не знала любви — она всѣхъ мушинъ любила какъ братьевъ своихъ — могла ли она грустить? Сердце человеческое неизвясимо — есть, есть шакія минушы, въ копорыя сердце чувствуешь шоску, шомную грусть, безъ всякой причины — и можешъ быть эши минушы, когда че-

ловѣкъ забываеѣ все на свѣшѣ и шакѣ сказаѣ входиѣ вѣ саѣаго сеѣа, суѣшѣ слаѣчайшѣа минуѣы вѣ жизни....

Мноѣо жениховѣ свапалоѣ за Марѣю; но она ни одного не выбрала — ей хоѣѣлось имѣѣѣ шакѣаго мужа, какоѣа она соспавила сеѣѣ вѣ воображенѣи, шо еѣѣ: доброѣаго, нѣжнаѣаго, чувствивпельнаѣаго, мужа блискаѣаго кѣ еѣа свойспвамѣ. Ахѣ, не всегда мы получаеѣѣ шо, что желаеѣѣ — Марѣа однаѣоѣѣ нашла шакѣаго челоѣѣѣка, кошораѣаго полюбила спраспно; но видно судѣба не хоѣѣѣла еѣа шаспѣа.

Однаѣды Марѣа хоѣа вѣ роѣѣѣ, увидѣѣла на дереѣѣѣ, подѣѣ коѣорымѣѣ любила сидѣѣѣѣ и предаѣаѣѣѣ размышленѣамѣѣ, сѣи слова: *люблю теѣа!* Марѣа вздохнула, задумалась — какѣѣ невинной рабеноѣѣѣ для кошораѣаго языкѣѣ любви былѣѣ еѣѣе новѣѣ, непоняпешѣѣ, и на шѣой же корѣѣ робѣоѣу рукоѣу напи сала нѣѣскольѣо словѣѣ вѣ ошѣѣѣѣѣ.

На завѣѣрѣѣ невољное чувство влекло еѣа вѣ роѣу — она входиѣѣѣ, бѣѣжиѣѣѣ кѣѣ любимѣоѣу дереѣу и видиѣѣѣѣѣ — розо

ую гирланду надъ ея словами. Марья запрепешала, испугалась, хотѣла бѣжать — вдругъ является молодой, прекрасной человѣкъ — *Марья!* говоритъ онъ, *любезная Марья!* и въ слезахъ бросается къ ея ногамъ. Кто можетъ изъяснить, что чувствовала Марья въ сію минуточку? Она узнала въ любовникѣ Милона, которой всегда для нее казался всѣхъ *мильс*, и бросилась въ его объятія. Тутъ нѣжные любовники поклялись въ вѣчной вѣрности и пламенной поцѣлуй былъ залогомъ ихъ клятвы. Всякой день Марья приходила въ рощу и съ другомъ сердца своего проводила вечеръ. Какъ были пріятны для нихъ эти минуточки! Я зналъ Марью уже послѣ — она всегда съ сердечнымъ удовольствіемъ вспоминала о сихъ прогулкахъ и бѣдная — заливалась слезами.

Марья зная непреклонный нравъ отца своего, не смѣла открытъ ему любви своей. Милонъ былъ бѣдной поселянинъ — эшаго уже было довольно, чтобы разлучить ихъ на вѣки! совсѣмъ шѣмъ Марья нѣсколько разъ хотѣла

сказать о любви своей отцу — имѣя такое чувствительное, доброе сердце, могла ли она тайно отъ него свою любовь? Но Милонъ предвидя плачевную участь, удерживалъ ее. *Еще будетъ время, любезная Марья, говорилъ онъ, наслаждайся теперь тѣми блаженными минутами, которыхъ пройдутъ и можетъ быть никогда уже не возвратятся!* Марья слушала его и цѣлой годъ тайно отъ отца свою любовь къ Милону.

Между тѣмъ одинъ богатой купецъ предложилъ Марьѣ свою руку. Она не соглашалась — отецъ требовалъ ея согласія. Марья терзалась, плакала и наконецъ принуждена была открытъ ему свою любовь. Бабушка! говорила она, *я люблю!* есльи вы хошите щасція вашей дочери, то назовите Милона вашимъ сыномъ. — Милона! сказалъ отецъ, никогда! я заклинаю себя прервать всѣ связи съ нимъ, если хочешь имѣть мое благословеніе! Ни прозбы, ни слезы, ни опчаяніе, ничто не помогло — отецъ былъ не умолимъ. Марья ошерла

слезы свои, скрыла горестъ и спаралась казашься веселою. Опець предложилъ ей жениха — *Ми за кого на свѣтѣ*, сказала Марья, *кромя Милона*. Нынѣ же, сказалъ ожесточенный опець, ты будешь въ объятіяхъ Эраспа! — — Слова сіи совершенно поразили Марью — она хотѣла ипши за опцомъ своимъ; но ноги подкосились — она упала въ обморокъ. Пришедъ въ память Марья увидѣла себя въ объятіяхъ Милона. Нещастный! сказала она, какимъ случаемъ? . . . — Марья, сказалъ Милонъ, время благопріятствуетъ, оно дорого для насъ теперь — воспользуемся имъ, убѣжимъ. — Нѣтъ! сказала Марья, опець можетъ сдѣлать меня нещастною; но я никогда не пресуплю моей обязанности. Нѣтъ, Милонъ, не говори мнѣ о побѣгѣ, не оскорбляй меня. Я надѣюсь, что опець послушаетъ меня. — Но Марья, любезная Марья, помысли . . . — Слова напрасны, сказала Марья, удались — я люблю тебя; но не сдѣлаю подлаго дѣла! — Какъ? вскричалъ Милонъ, и ты пропи-

вишся моему щаспію? И пы не кра-
снѣешь сказавъ, что любишь меня? —
Ты? . . . о Боже! — — Милонъ, дра-
жайшій Милонъ! кричала Марья — но
уже было поздно

На завтрѣ отецъ велѣлъ Марьѣ
одѣться и идти въ церковь — Марья
повиновалась и опдала руку свою чело-
вѣку, котораго она ни сколько не лю-
била. Выходя изъ церкви Марья уви-
дѣла Милона — блѣднаго, опчаяннаго,
онъ подошелъ къ ней — схватилъ ея
руку — взглянулъ на нее спрастно —
и пронзилъ сердце свое кинжаломъ. *По-
стой!* закричала Марья и бросилась на
пѣло нещаснаго. — Напрасно хотѣли
ее отвлечь отъ пѣла — всѣ усилія бы-
ли щещны. *Нѣтъ!* говорила она, *нѣтъ,*
жеспокіе люди! вы не велѣли мнѣ любить
его, дайше умереть у ногъ его! — Уми-
рающій Милонъ собралъ послѣднія силы
свои, взялъ ея руку и сказалъ: Марья!
я любилъ тебя — Богъ тому свидѣ-
тель! съ симъ словомъ онъ выдер-
нулъ кинжалъ изъ груди своей и зак-
рылъ глаза на вѣки.

Въ отчаяніи, горести, Марья оставила отца, мужа, родину. — Въ бѣдной хижинѣ, провела она остатки дней своихъ, въ горести и тоскѣ. Бѣдная! тамъ, въ цвѣтущей молодости, окончила она дни свои произнося имя Милона — имя любезное ея сердцу!

Бѣдная! никто не поспѣшитъ могилы твоей, никто не почтитъ слезою твоего праха! — Ты умерла въ горести, въ одиночествѣ, далеко отъ родни, отъ друзей.... гордые памятники покрываютъ иногда трупы злодѣевъ, горсть земли сокрыла добродѣтельную женщину, несчастную любовницу, нѣжную дочь — и мѣсто, гдѣ она лежитъ, забыто и презрѣнно!...

Метта.

Всѣ люди ищутъ счастья, о немъ только и думаютъ, о немъ и говорятъ — я опъ людей непрочь и долженъ также признаюсь, что ищу счастья, и думаю о немъ день и ночь. Однажды перебирая въ головѣ всѣ системы о счастіи всѣхъ *счастливыхъ* и *несчастливыхъ* философовъ, хотѣлъ я разрѣшить Гордіевъ узелъ и старался найти въ чемъ состоить истинное блаженство? — Долго я думалъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, садился, вспавалъ, опять садился; но все напрасно — иногда казалось мнѣ, что я рѣшилъ задачу, бѣгу къ столу, беру перо и хочу оставить на бумагѣ важное мое открытіе, уже воображаю всю славу, которую оно принесетъ мнѣ; но вдругъ вспрѣпшился препятствіе и система моя о счастіи исчезнетъ какъ легкой дымъ. — Долго я мучился; наконецъ наскуча занимаюсь химерою, погасилъ свѣчу и легъ спать.

Лишь только я закрылъ глаза, какъ вообразилось мнѣ, что я въ огромной залѣ, гдѣ толпа людей мужчинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ, жуждали какъ пчелы въ ульѣ — вдругъ зазвнелъ колокольчикъ, всѣ бросились по своимъ мѣстамъ и я сѣлъ на лавку, копорыхъ было множество въ залѣ. Сѣлъ — и самъ не зналъ для чего — съ любопытствомъ смотрѣлъ, что изъ эшаго будетъ?

Въ залѣ все утихло, такъ что еспьли бы привести слѣпова, то онъ вѣрно сказалъ бы, что въ ней нѣтъ ни души. Высокой, сухощавой, длинноносой человѣкъ, въ черномъ плащѣ, съ огромнымъ парикомъ, всходилъ на каеедру.

Увидя не минуемую бѣду, я хотѣлъ было бѣжать вонъ. Боже мой, говорилъ я, что за несчастіе! куда ни приду вездѣ душатъ рѣчами. Вчера одинъ изъ моихъ собратій мучилъ меня *преглупымъ* словомъ *о успѣхахъ разума геновѣгескаго*, не успѣлъ я опомнишься, какъ и здѣсь эша черная шваръ пол-

зешъ на каеэдру! я взялъ шляпу и хотѣлъ было бѣжать; но вдругъ слово *щастіе* загремѣло въ ухахъ моихъ. Вообразите мою радость! предмѣтъ желаній моихъ, предмѣтъ столь любезной моему сердцу, опять овладѣлъ всѣми моими чувствами. Я воропился и сѣлъ опять на лавку. Наконецъ, думалъ я, узнаю гдѣ щастіе и въ чемъ оно состоитъ. О какъ я буду покоенъ! съ какимъ вниманіемъ буду слушать эту диссертацію! Нѣтъ никакого сомнѣнія, чѣобы такой *по видимому* ученой человекъ, кошорой вѣроятно знаетъ на изусъ всѣ опрывки и цѣлыя шворенія древней Греческой, Лашинской, Египетской, Халдейской, и Кипайской липпературы, не могъ рѣшить маловажнаго вопроса о щастіи.

Покуда я рассуждалъ, онъ понюхалъ шабаку, опкашлялся, плюнулъ, и началъ рѣчь слѣдующимъ образомъ:

„Щастіе, почтеннѣйшіе слушатели, есть предмѣтъ общихъ нашихъ желаній. И богатой и убогой, и Царь и

„рабъ, всѣ ищущъ счастья, всѣ спре-
 „мятся къ нему, всякой мнѣ найми
 „его, схватить и вѣкъ не разлучаться;
 „но многіе ли находятъ его? Люди
 „идущъ къ нему всѣми позволипель-
 „ными и непозволипельными путями.
 „Иной рыскаетъ по свѣшу, мнѣ найми
 „счастливую спрану въ мірѣ, блажен-
 „ную Утопію, мирную Аркадію, поло-
 „жить въ ней конецъ бѣдамъ и спран-
 „ствію, повѣситъ на вѣтвь кипариса
 „посохъ и жить въ ней. Иной рѣками
 „крови мнѣ опкрыть себѣ путь къ
 „счастью, иной полагаетъ его въ раз-
 „сѣянности, иной въ уединеніи, одинъ
 „въ распочительности, другой въ бе-
 „режливости, одинъ въ пьянствѣ, дру-
 „гой въ воздержаніи. Всѣ люди подоб-
 „но малымъ дѣшамъ бѣгутъ разня
 „ропъ за блестящимъ червячкомъ и —
 „находятъ одну пыль! Ученые, Фило-
 „софы, щещно хощли опредѣлить
 „въ чемъ состоить счастье, щещно
 „противурѣчили другъ другу, щещно
 „писали огромные фоліанты — но что-
 „же выиграли? Потеряли время, раз-

„спроили свое здоровье и не рѣшили
 „ничего. Чпоже выиграло попомство?
 „Кучу книгъ, копорыхъ никто не имѣетъ
 „терпѣнія прочесть, копорыя покрыты
 „вѣчною пылью и умножаютъ только
 „число шомовъ, едва ли не превосхо-
 „дящее уже число людей умбующихъ чи-
 „тать! мы остались по прежнему невѣ-
 „ждами: ищемъ щастія зашмурия глаза,
 „какъ какъ дѣши играющъ въ жмурки.
 „Слѣпой случай наведетъ человека на
 „предмѣтъ его исканій — *нашелъ!* кри-
 „читъ онъ и бѣжитъ домой съ своимъ
 „кладомъ. — — Другіе завидуютъ, бра-
 „тнятъ и дѣлаются еще несчастнѣе!
 „Вотъ польза отъ сихъ прѣній нами
 „приобрѣтенная!„ (шутъ мой ученой
 остановился, понюкалъ опять шабаку,
 ушеръ плашкомъ пощъ лица и ошдох-
 нувъ, продолжалъ:)

„Но неужели щастіе должно всег-
 „да быть для насъ пайною? Неужели
 „люди никогда не будутъ знать гдѣ
 „найти его и какъ имъ наслаждаться? —
 „Ошкроемъ шайншвенную завѣсу!
 (сердце мое сильно забилося) „Такъ!

„почтенные слушатели, продолжалъ
 „ученой, шеперь вѣкъ просвѣще-
 „нія — когда всѣ опрали наукъ дове-
 „дены усилями ума челоѳческаго до
 „высочайшей степени, когда всѣ малѣй-
 „шія частицы взѣшены, пакъ сказаць,
 „на вѣсахъ здраваго разсудка и приве-
 „дены вѣ надлежащую мѣру, по ща-
 „спіе, сіе первѣйшее благо челоѳка,
 „сія общая цѣль жизни, для которой мы
 „нещадимъ шрудовъ, покоя, и даже жи-
 „зни, не должно оставаться для насъ
 „загадкою. Иначе, что будетъ вѣ шру-
 „дахъ нашихъ и усилияхъ? Къ чему по-
 „служатъ наши открьтія и всѣ бле-
 „спящія познанія, естли всѣ сіи каче-
 „ства погребены будупъ вѣ безднѣ
 „золъ? Познайте, что щастіе соспоитъ
 „не вѣ богатствѣ, не вѣ удовольстві-
 „яхъ, не вѣ наслажденіяхъ, не вѣ бур-
 „ной жизни, не вѣ шихой — нѣтъ! ис-
 „тинное щастіе далеко отъ нихъ — оно
 „заключается вѣ

Тупъ проклятая Діана залаяла и я
 проснулся. Предсавте себѣ мою до-
 аду, горестъ — одно слово и я про-

вель бы оспальные дни мои покойно; одно слово и я забывъ всѣ прошедшія горести, на концѣ дней моихъ былъ бы щасливъ! Жестокая Діана! секундой послѣ — и я щасливъ! несносной говорунѣ! къ чему такая длинная проповѣдь, за чемъ такъ долго удерживашъ слово, ошѣ копораго все зависло. О пагубное пущословіе! Кшо шеперь извѣстишъ мнѣ, кшо скажешъ мнѣ шо слово копорое онѣ сказалъ?

Вотъ, Милосшивые Государи, одно огорченіе, копорое мнѣ сдѣлала Діана вѣ при года. Я взялъ ее маленькую, вскормилъ — и Діана не была неблагодарна: она поступила со мною лучше нежели многіе люди, за шо можешъ бышъ и я люблю ее больше иныхъ людей. Я знаю, что людямъ *важно* это покажешъ смѣшно; но не смотря на шѣхъ копорые *не вслѣдъ* бышъ чувствительнымъ ни къ красотамъ милой поселянки, ни къ ласкамъ живошнаго, я всегда посвящу сердечную слезу моей Діанѣ. Чувствительной человекѣ во

властень покоряшь сердце разуму и жалбю о помѣ чловѣкѣ, копорой любилъ, скорбѣлъ о участи нещаснаго, лилъ слезы состраданія, тогда когда велѣлъ ему *разсудокъ* а не *сердце*. . . .

III.

Рускіе Анекдоты.

До сихъ поръ у насъ помѣщались всегда иностранные анекдоты, копорые хошя исполнены остроумы и ума, но не такое дѣлають впечатлѣніе какъ анекдоты собствєнные, или *національные*. Въ 8 Но сего Журнала, также въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* и въ *Журналѣ для пользы и удовольствія* помѣщены нѣкопорыя опыты Рускихъ анекдотовъ; но большая часть изъ нихъ иногда не были напечатаны и остався въ однихъ изустныхъ преданіяхъ. Иностранцы, а особливо Французы, имѣя огромные помы, хвалясь своею спробою, и называють насъ всѣми менами, какія только можеть изо-

брѣшь легкомысленная гордос
не въ гнѣвъ Французамъ, мы
ко не можемъ уступитъ имъ
случаѣ. У насъ есть *свои анекдо
ворные, военные* и пр. кошорые
будущъ пріятнѣе и занимашел
читашелей нашихъ, нежели
иноспранные, въ кошорыхъ
беремъ шолько малое участіе.

1.

Гепманъ Желковскій пребс
Папріарха Эрмогена, чшобы о
шилъ Пожарскому собирашь
кто же спасетъ Отечество? спра
великій мужъ, и умеръ на сабл
ковъ. Сіи слова достойные го
мянина, еще любезнѣе въ устѣ

2.

При взятіи Измаила, гран
шли въ окопы и видя спраши
ченіе Турокъ, видя невоз
влезть на стѣну, не хотѣли
лѣспницы; офицеры поощряли
все было щцепно. Священник
въ сей колоннѣ, вышелъ съ

Спасишеля — *впередъ друзья!* закричалъ онъ и пошелъ на спѣну. Гранодеры одушевленные симъ рѣдкимъ примѣромъ, подкрѣпленные силою вѣры, какъ молнія взлетѣли на спѣны и Измаилъ палъ! — Великая Екаперина, чувствительная ко всѣмъ рѣдкимъ примѣрамъ Геройства, наградила священника-Героя крестомъ на Георгіевской лентѣ.

3.

С... ѣхавъ изъ Петербурга въ Москву, на одной станціи не могъ найти лошадей, потому что тогда была война и всѣ лошади употреблены были на перевозъ войска, амуницій и пр. С... началъ разговаривать съ крестьянами. Видишь ли баринъ, какіе нынче времена, сказалъ крестьянинъ. Мой другъ! сказалъ С..., я удивляюсь, какъ въ швоемъ соспоянїи, ты можешь это знать? — Тогда мужикъ схватя себя за бороду, съ жаромъ сказалъ: *Эхъ, баринъ! и въ этомъ лѣсу люди живутъ!*

4.

Л. ѣхалъ однажды въ каретѣ съ Княземъ Пошемкинымъ. Князь былъ

очень скученъ и во всю дорогу не сказалъ ни слова. Выходя изъ кареты Л. взявъ его за руку, сказалъ: *пожалуйте, ваша Свѣтлость, не скажите никому о томъ мѣстѣ съ вами теперь говорили.*

5.

Суворовъ пригопоялялся къ сраженію съ Турками, распорядя все онъ хотѣлъ начашъ дѣйствіе. Австрійской Генералъ шупъ же бывшій, спрашивалъ у Суворова гдѣ онъ назначаетъ мѣсто репиреды въ случаѣ неудачи? — *На мѣстѣ сраженія!* отвѣчалъ Герой.

6.

Л. обѣдалъ однажды у Князя Орлова. За споломъ подали вино, котораго рюмка, по словамъ Князя, обходилась въ нѣсколько червонцовъ. Когда подали вино Л., онъ сказалъ Князю: *Ваша Свѣтлость! прикажите отпустить натурою!*

7.

Рускіе всегда опличались храбростію предъ прочими народами. Слѣ-

дующій анекдотъ послужитъ сему доказательствомъ. Во время семилѣтней Прусской войны, въ одномъ сраженіи, баталіонъ гранодеръ, не вытерпя сильнаго огня непріятельскихъ бапарей, побѣжалъ. Одинъ старой солдатъ, котораго благородное сердце огорчилось бѣгствомъ его собратьевъ, бросился въ передъ. *Стой!* закричалъ онъ. Воины вняли гласу Героя, обратились на Прусаковъ, ударили въ шпыки и взяли бапарею.

8.

Страсъ къ иносстраннымъ словамъ, предубѣжденіе что ихъ нельзя выразитъ на Рускомъ, столь богашомъ и сильнымъ, иногда по невѣжеству доводитъ людей до оскорбительной необходимости быть предѣшомъ насмѣшекъ. Одинъ соляной приставъ желая сказать, что онъ служилъ съ великимъ усердіемъ къ общей пользѣ или *патріотизмомъ*, написалъ въ прошеніи, что *онъ служилъ двадцать лѣтъ при магазейнѣ съ величайшимъ эгонизмомъ и просилъ за это пенсію!!*

Одинъ знашмой Руской путешественникъ былъ въ Женевѣ во время междуусобныхъ ея несогласій. Раздоры малѣйшей Республики въ свѣтѣ не обращали вниманія Европы; но Женевцы занимались симъ шакже, какъ бы и революціею міра. Когда донесли путешественнику о сихъ раздорахъ болѣе смѣшныхъ, нежели важныхъ: *Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что это буря въ стаканѣ воды.* — Слово шонкое! ежели взять въ разсужденіе, что все государство Женевское, не соспавляло пяшой часши нашей Москвы.

*Замѣчанія о нынѣшнемъ состояніи
Франціи (*).*

Во Франціи по шшапу полагається
тысь сошъ тысячь войска, но въ самомъ
дѣлѣ на лицо, не болѣе трехъ сошъ ше-
спидесяши тысячь. Оно довольно
въ хорошемъ соспояніи и имѣетъ изря-
дное содержаніе. Говорятъ, что съ
пого времени, какъ Бонапартъ объя-
вилъ себя Императоромъ, бѣжало изъ
войска болѣе пашнадцати тысячь чело-
вѣкъ. Во Франціи всего легче допол-
нитъ или умножитъ войско. Наборъ
(конскрипція) расположенъ такимъ обра-

(*) Взято изъ новаго Путешествія во Фран-
цію въ 1805 году. Сочиненіе сіе нигдѣ
не напечатано и весьма любопытно.
На первой случай помѣщаемъ двѣ статьи
*о военной силѣ Франціи и характерѣ
г. Бонапартъ.* Въ послѣдствіи, въ про-
долженіи сего Журнала, помѣстимъ еще
мѣкошорыя.

зомъ: всѣ отъ 18 до 40 лѣтъ, неисключая никакого состоянія, записаны въ солдаты, и должны какъ скоро правительство потребуетъ, явиться въ назначенномъ мѣстѣ, или за себя представитъ другаго, по добровольному условію отъ 18 до 40 лѣтъ. Тамошняя полиція такъ хорошо знаетъ всякаго ей подвѣдомаго, что записанный ни коимъ образомъ не можетъ избѣжать обязанности набора. Такимъ образомъ, (которой во Франціи почитается самымъ щегошнымъ), правительство легко можетъ имѣть столько войска, сколько захочетъ; но какъ оно никогда не можетъ требовать всего числа *записанныхъ*, которое составило бы миліоны, по удѣламъ, или департаментамъ, спавяетъ только нужное число ихъ, выбирая по жеребью изъ всѣхъ конскриптовъ.

Можно легко вообразить съ какимъ неудовольствіемъ вступаютъ въ службу тѣ, на коихъ палъ жребій. Наборъ сей во Франціи установленъ во время революціи. Не взирая одна-

кожѣ на ропотѣ, строгость полиціи исполняетѣ требованія правительства въ разсужденіи набора. Въ началѣ сего года былъ новый наборъ 15000 человекѣ во всемѣ государствѣ. При наборахѣ смотрятѣ только, чтобы рекруты были здоровы, впрочемѣ ростѣ и видѣ мало уважаются. Военная экзерциція также мало уважається — рекрутѣ почти не учатѣ — они должны перенимать у старыхѣ солдатѣ сами. Въ разводахѣ, даже въ эволюціяхѣ, не наблюдаютѣ ни равенства шага, ни стройности рядовѣ.

Всѣ французскія газеты и журналы кричали о единодушномѣ согласіи войска признаѣ Наполеона Императоромѣ. Однакожѣ можно утвердительно сказать, что офицеры и солдаты не давали голоса на избраніе Наполеона. Последние даже не скрываютѣ своего негодования, иные изѣ нихѣ говорили смѣлѣе и были распрѣлены — такой жестокій примѣръ укрощаетѣ прочихѣ.

Въ тѣхъ же газетахъ бы-
 что въ то время, когда разда-
 ску знамена съ орлами на і
 полѣ и давалась чрезъ депуша-
 сяга, сіи депушашы и все вой-
 было около двадцати тысячъ
 извѣляли радость свою и кри-
 л'Empereur! Я былъ шупъ ж
 съ дипломатическимъ корпус
 слыхалъ ни отъ депушашовъ
 войска никакого крику. Я п
 мѣшилъ-шо, что Генералы з
 фруншу и возбуждали офицер
 дашъ кричашъ vive l'Empereur,
 нѣсколькихъ офицеровъ, никш
 чалъ. Одинъ офицеръ, ины
 ряшъ лѣкаръ, имѣлъ безра-
 вышши на средину и закрича
 le tуган! но потъ же часъ бы
 и чрезъ два дни разспрѣлянъ.

Чиновники возведенные в
 шія степени находяпся въ тѣ
 зи съ правительствомъ, пош
 самое ихъ возвышеніе произо

величія ихъ начальника и тѣмъ самымъ польза ихъ сопряжена съ его пользою. Впрочемъ войско надлежитъ почищать механически преданнымъ безпредѣльной его власти. При томъ же глава онаго наблюдаетъ шу полицику, чтобы недовольнаго или привязать къ себѣ, или сбыть съ рукъ. Первой способъ требуетъ великихъ издержекъ казны, такъ что на двѣсти или шриста тысячъ франковъ (*) даюся письменные виды для полученія денегъ по предъявленію, безъ извѣсненія на что именно; другой же исполняется въ при часа посредствомъ приговора военного суда: 1. заключеніемъ въ башню (Тамплъ) куда привозятъ офицеровъ изо всего Государства, 2. ссылкой или 3. смертію. Начальства вездѣ ввѣрены испытаннымъ людямъ, копорыхъ соотношеніе къ подчиненнымъ въ шакомъ положеніи, что Бонапарте благонадеженъ въ повиновеніи начальнику со стороны подчиненныхъ и въ вѣрно-

*) 12 франковъ составляютъ червонецъ.

сти начальника, неимѣющаго
къ измѣнѣ, хопя бы и намѣр
ее здѣлать.

Характеръ Бонапарт.

При великомъ умѣ Бонапартъ
бѣглое понятіе и рѣшительно
не взирая на безпрестанныя
подаеиъ ему способъ вникаиъ
подробности государственнаго
дѣла. Онъ поминуиъ повелѣиъ
исполненіи предпріятій не уде
его никакое затрудненіе и ни
спавленія. Твердосиъ вѣ пр
дѣлахъ, основанная на довѣрен
самому себѣ, еще болѣе ук
упорность свойственную его
сполучіе сопряженное съ гор
щеславіемъ, владѣиъ всею е
и чувствами. Ни чѣмъ не плѣ
равнодушенъ ко всѣмъ людямъ
добно Силлъ или Марію послал
сячу людей на смерть, какъ ни
созданія совершенно преданны
лъ. Предупрежденъ, что долг

живетъ и попому скупъ на время и не
 кочетъ перяпъ его напрасно. Хопя
 нъ и желаетъ міра (*) почитая его
 полезнѣе и надежнѣе для своей славы,
 ежели войну, въ коей онъ все пріобрѣлъ;
 ю еспьли бы случилась война, онъ не
 преминетъ приняпъ лично начальство
 въ важнѣйшемъ мѣстѣ. При всѣхъ во-
 инскихъ дарованіяхъ умѣетъ внушать
 довѣренность солдатамъ, вперяпъ смѣ-
 юспъ, даже и тѣмъ, копорые ему
 мало преданы. Въ эпомъ помогаетъ
 ему слѣпое щаспие, служащее ему. Та-
 кой человекъ управляетъ Франціею —
 все ему покорно. Раздѣленіе властей
 правительсва устанавлено и сообра-
 кено шакъ, что служитъ ему орудіемъ

*) Въ эпомъ г. Путешественникъ позво-
 липъ усумнишся — человекъ не можетъ
 желая искренно мира, подавать причинъ
 къ войнѣ. Впрочемъ еспьли столь че-
 сплюбивый человекъ и желаетъ мира,
 шо развѣ для шого шолько, чтобы уси-
 лишся еще болѣе и сдѣлаться бичемъ
 Европы, ибо (какъ говорятъ Нѣмецкіе
 Журналисты) гдѣ предѣлы его честпо-
 любію?

къ исполненію его воли, и не
никакъ ему препяшсповашь.
ни одного челоѵка носящаго
должнось, или живущаго во
кшобы осмѣлился сказашь, что
Бонапарше не законны.

(сѵ Польшкаг.)

(продолженіе впрѣдѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Сентябрь.

Аминтѣ.

Воздухъ колеблютъ бури ревуши,
ебо покрылось въ мигъ темношю;
вспро несущя влажныя пучи,
ждь на долины льещя волной.
е возвѣщаетъ осень печальну: —
гурясь нисходитъ мрачной Сентябрь!

Хлоя.

Вѣшрѣ въздымая волны сѣдыя
нишѣ сѣ спремленьемъ шихи ручьи,
нишѣ — пререщушѣ роци густыя,
спяются кучей листьа въ спруи;
какъ и безмолвье лѣсѣ окружаюшѣ,
омпопоющій смолкѣ соловей!

Доритѣ.

Войше бури раздраженны
По долинамъ и лугамъ;
Разносите вопль смященный —
Войше! — я смѣюся вамъ! — —
I а с щ ѣ III. 3

Пусть лилеи, розы вянушъ,
 Можно сосной замѣнишь; —
 Пусть и пшички пѣть престъ
 Будемъ безъ музыки пить.
 Презримъ осени оковы;
Вакхъ нисходишь съ Сенсябъ
 Съ нимъ забавы — вина *ново*
 Ободришесь, и — нальемъ!

Алинтъ.

Пажити пучны пусшы, уны
 Песстрыхъ не видно шадъ на полъ
 Только зловѣщій вранъ чернокрыль
 Пищи алкая бродишь въ браздахъ
 Голосомъ хриплымъ кличешъ нена
 Хладныя вьюги, спущницъ зимы.

Хлоя.

Свѣшное солнце бѣгъ сократи
 Ноци угрюмой спелешся шбнь:
 Въ сумракъ чорномъ жить начинъ.
 Въ сумракъ меркнешъ пасмурной
 Блѣдное упрое чужь лишь покаже
 Томные взоры — вечеръ спѣшишь

Доритъ.

Мраки, пучи, — все пу
 Свѣшъ бушылки свѣшишь въ

Спужа грозишъ — выпьемъ вдвое!
 Не бывашъ у насъ зимѣ.
 Пусть надѣнешъ шлемъ алмазный,
 Въ руки приметъ снѣжный щипъ,
 Облечешся въ льды ужасны
 И на мразахъ къ намъ слѣпшишъ:
 Въ мигъ зардяшся щоки бѣлы,
 (И зима, я чаю, пьѣшъ!)
 Ешъли милой сынѣ *Семлоя*
 Хошъ полчаши ей нальѣшъ.

Аминтѣ.

Скоро засыплюшъ инеи мшисты
 Желные стебли мершвыхъ цвѣшовъ;
 Скоро изсякнушъ рѣки сребрисшы,
 Скроюшся въ сводахъ зеркальныхъ льдовъ;
 Скоро — но мнѣ ли сѣшовашъ съ *Хлоей*? —
 Съ нѣжной подругой радость одна.

Хлоя.

Пусть извергаюшъ хляби небесны
 Ярыя бури, вѣпры и кладъ:
Хлоя съ шобою, другѣ мой любезный!
 Найдешъ нещѣшны сонмы опрадъ
 Молніи блещушъ . . . грома кашяшся — —
 Къ сердцу *Аминта*! . . . сшихла гроза!

Доритѣ.

Къ сердцу? . . . что вы! — все напрасно,
 Тамъ вина ни капли нѣшѣ;
 А безъ-винѣ вездѣ ненастно:
 Скученѣ — шѣменѣ бѣлой свѣшѣ.
 Нѣжность скоро просыиваетѣ,
 Кровь подѣ шарость не кипитѣ;
 Кшождѣ любовь съ виномѣ мѣшаетѣ
 Вѣчно — вѣчно шомѣ горитѣ. — —
 Молнии блещутѣ — громѣ кашитѣ
 Чшождѣ за дѣло! — всякой знай:
 Гдѣ любовь и *Вакхѣ* сдружитѣся,
 Тамѣ Сентябрь — веселой Май!

А. Бенитцки ().*

(*) Издатель пріятнѣйшею обязанностію постав-
 ляетѣ благодаритѣ Г. Бенитцкаго, какѣ за сѣ
 піесу, такѣ и за многія другія. помѣщенныя въ сѣмѣ
 Журналѣ и означенныя литерамы *А. Бе. и Бу. Ки.*

*Тирсисъ.**(Подражаніе Раисъ г. Караджина.)*

Мгла черна небеса покрыва,
 Роса лежала на травѣ,
 Луна свѣтъ слабый испускала,
 Блистали звѣзды лишь однѣ.

Уныла пишина на землю
 Лостановила свой престолъ;
 Гирсисъ, Тирсисъ, паспужъ несчастной
 Одинъ въ сей бодрствоваль ночи.

Отъ глазъ омоченныхъ слезами
 Бѣжитъ далеко сладкій сонъ.
 Во время общаго покоя
 Гирсисъ покоя не вкушалъ.

Смертельной блѣдностью покрыто
 Поникшее его чело,
 И слезная струя засохла
 На впадшихъ глубоко щекахъ. —

Сердитая рѣка шумѣла
 Между высокихъ береговъ.
 Гирсисъ печальный тихимъ шагомъ
 Идетъ къ ужаснымъ симъ водамъ.

Расшущія древа на брегѣ
 Тихонько вѣшерѣ колебалѣ,
 Журчанье водѣ соединялось
 Съ унылымъ крикомъ пщицѣ ночныхѣ.

Тирсисѣ шуцѣ дикій взорѣ брѣсаетѣ
 На черновидныя спруи,
 Облокошясь на пенѣ дубовый
 Съ тяжелымъ вздохомъ говоришѣ:

„И шускый лучѣ надежды льстивой
 „Сокрылся отѣ очей моихѣ!
 „Ельмира, люшая Ельмира!
 „За что меня шерзаетѣ шы?

„Ельмира! возвраши мнѣ сердце,
 „То сердце, кое опняла! —
 „Но шы меня не любишь болѣ! . . .
 „За чемѣ шебя я полюбилѣ?

„Смерпельнымъ ядомъ напоенне
 „Злашое ошпріе шрѣлы
 „Не раздирало мою душу —
 „Я прежде лишь друзей любилѣ.

„Тронувшись вздохами моими,
 „Ахѣ! вспомни какѣ сказала мнѣ
 „Ты вѣ первый разѣ вся закраснѣвшись:
 „*Я я люблю тебя Тирсисѣ!*

„Нѣтъ, изъяснить того не можно,
 „Что чувствовалъ въ то время я,
 „Едва не вышелъ духъ изъ тѣла
 „Отъ радости безмѣрной сей.

„Твою единую улыбку
 „Всему, всему предпочиталъ. . . .
 „И счастье мнѣ боговъ казалось,
 „Ничто предъ счастьемъ моимъ.

„Не варварскому-ль сродно сердцу,
 „Сперва дасть радости вкушать,
 „А послѣ слезы лишь заставишь
 „О прежнемъ счастьи своемъ? . . .

„Угодно такъ судьбинѣ было
 „Меня жестоко наказать!
 „Я былъ лютейшею измѣной
 „За страсть нѣжнѣйшу заплаченъ.

„Съ недостижимаго свода
 „Блеснулъ златый лишь яркій лучъ,
 „Спѣшилъ увидѣшь я Ельмиру. . . .
 „За чемъ въ сей день проснулся я?

„Былъ въ хижинѣ я у невѣрной. . . .
 „Пуста, разтворена стоишь;
 „Безъ ней овечки ходятъ въ полѣ,
 „Ни кто не знаетъ про нее.

„Ко роцѣ я стопы направилъ,
 „Гдѣ прежде мы Ельмира здѣсь
 „Была въ объятіяхъ Дамеша!
 „Тутѣ хладный пошѣ меня покрывъ.

„Сей гибельный ударѣ громовой
 „Разрушилъ щасіе мое. —
 „Вину невѣрной забываю —
 „Она забыла ужѣ меня.

„Ужѣ болѣе Тирсисѣ несчастный
 „Тебѣ не спанешѣ досаждашь
 „Довольно я шерпѣлъ мученья —
 „О небо! — не карай ее. — „

Сѣ симѣ словомѣ шяжко воздохнувши
 Злощасный кинулся въ рѣку —
 Печально вѣшѣви зашумѣли
 Какѣ будшо сѣшуя о немѣ.

А. Измайловъ.

*Оселъ и Барсъ.**Басня.*

Оселъ изъ славнаго того Ослина рода,
 Ей предокъ знаменишъ въ одной изъ басень
 былъ
 Эзопа; не умомъ, но шѣломъ лишь уroda,
 Которой всѣ людей пороки выводилъ
 Въ скошахъ, звѣряхъ, змѣяхъ, въ кузнечи-
 кахъ и ппицахъ,
 Во львахъ, волкахъ, ослахъ, въ лягушкахъ и
 лисицахъ.

Оселъ мой чинывалъ, что дѣдъ его Оселъ
 Когда-то въ Львиную винчуру наряжался,
 Оселъ мой помня то, недавно повстрѣчался
 Съ какимъ-то Барсомъ. Тотъ пушемъ смиръ-
 ненько шелъ,
 Не думавъ объ ослахъ, осла и не замѣшилъ,
 Но мой оселъ его лишь только что озѣшилъ
 (Онъ барсовъ отъ роду ни раза не видалъ,
 А что они всѣ злы, онъ только лишь слыхалъ)
 И видя какъ онъ шихъ, въ умъ себѣ пред-
 ставилъ,
 Что-то Оселъ былъ шкурой барсовой одѣтъ,
 Такъ, какъ во львиной былъ его покойной
 дѣдъ.

Увѣрился онъ въ помѣ и разсуждашь оставилъ,
 Поднявши уши вверхъ, онъ началъ хохотать,
 Вкругъ барса всячески дурачишься, скакашь;
 Но барсѣ увидя шо ничушь не разсердился,
 А только глупости осла онъ подивился;
 Пошомъ сказалъ: „Оселъ! мнѣ очень жаль тебя,
 „Что барса не узналъ, за шо я несержуся.
 „Отъ слѣпошы швоей въ Осла не превращуся,
 „Когда въ собраньи львовѣ всѣ барсомѣ
 чшупѣ меня,
 „То я конечно барсѣ и въ помѣ не сомѣваюсь,
 „Но глупость до шого швоя ужѣ возросла,
 „Что за себя, дружокѣ, я очень опасаясь,
 „Чтобы не принялъ шы и шигра за осла.
 „А шомѣ такихѣ глупцовѣ и дерзости не
 любилъ,
 „И вѣрно ужѣ себя въ когтяхѣ своихѣ по-
 губилъ.
 „Но какѣ не лзя ослу ложь сѣ правдой ра-
 спознать,
 „Совѣтѣ мой и отъ шкурѣ подалъ отбѣгатьъ.
 Такѣ часто и глупецѣ надѣ умнымъ смѣшся,
 Не зная, что умы двойки за всегда;
 Одинѣ за шо просишъ, другой *такѣ* поде-
 решся,
 Что дерзкимѣ ужѣ глупецѣ не будешъ никогда.

*Вывѣска.**Басня.*

Шли два прохожіе пушемъ —
 [аленоль, близколи — но оба захопѣли
 ѣ дороги ошдохнуть. „Давно, брашѣ, мы
 не бѣли!

Сказалъ одинѣ, — и шакѣ зайдемѣ
 Да выпивѣ на передѣ (конечно Нѣмцы были)
 Позавшракаемѣ гдѣ нибудѣ;

А послѣ съ трубочкою не дурно и всхранишь. — „
 Калякая вснупили

Они вѣ какой-то градѣ.

Вдругѣ имѣ вѣ глаза шракширѣ; на вывѣскѣ
 чернѣетѣ:

Здѣсь все къ услугамѣ есть... кно выра-
 зить посмѣетѣ

Всю радость ихѣ? — „*Все есть! все есть!* —
 безцѣнной кладѣ! „

Вскричали пришлецы — и мигомѣ очутились
 За *преболвшимѣ* столомѣ. Хозяинѣ, ей! —

Сей часѣ! —

Давай! — Чего? — Гусей. — Не водятся
 у насѣ. —

Индѣкѣ. — Нѣшѣ. — Шпинашу. — Нѣшѣ. —
Калбасѣ. —

Недавно изошли. — Пришельцы удивились.

Хошь соусу и пива. — Нѣшѣ. —

Инѣ сыру намѣ. — Одинѣ отвѣшѣ.

Такой обѣдѣ,

Какѣ съ голодомѣ и жаждой споримѣ

Невкусенѣ никому. „Да гдѣ же *все*, кошорымѣ

На вывѣскѣ обѣщано кормишь? —

Пожалуй насѣ увѣдомѣ:

Вѣ чемѣ эшо *все*, хозяинѣ, состоишь? —,

Вѣ булвонѣ съ хлѣбомѣ!!

*

Увы! и книга, что *все*го,

Чишашель, обѣщаетѣ:

Нерѣдко доставляетѣ —

(Всякѣ догадаешся, что рифма) — *ниче*го!

А. Бенитски.

*Маршышка и Азоръ.**Басня.*

Однажды бѣдная Маршышка
 Прислала къ барину на дворъ,
 Гдѣ жилъ Азоръ —
 Собачка вѣрная, угодлива, любезна,
 Маршышки былъ рашешъ шакой:
 Ипо дружба съ нимъ ея не будетъ бесполезна,
 Ипо къ барину скорѣй она войдешъ въ покой.
 Маршышка алгебру сію по пальцамъ знала;
 Пошло все, какъ она желала.
 Азоръ былъ очень просшъ,
 Вертя головкою и закорючивъ хвостъ,
 Для всякой всячины онъ къ барину ласкался,
 Прося, чшобъ пошъ же сахарцу кусокъ,
 Какой ему давали на носокъ,
 Подружкѣ по поламъ достался.
 Маршышка болѣе набравшись шамъ ума,
 И какъ жить при дворѣ понапорѣвъ сама,
 Азора вѣрнаго забыла вскорѣ,
 Какъ надобности ей ужъ не было въ подпорѣ.
 Маршышкѣ шьюшъ шшаны, камзольчикъ сер-
 шучокъ,

Маршышка къ барину садится подъ бочокъ,
 Маршышка на пиру съ гостями въ пляскѣ,
 Маршышку начали вездѣ возить въ коляскѣ,
 Къ Маршышкѣ всякѣ идеть
 И друга своего съ собою къ ней ведеть;
 Маршышку всякой видѣшь хочеть,
 Дурачишьсяя она? всякѣ радѣ и всякѣ хохо-
 четь.

Маршышка — барской фаворитъ!
 Азоркажѣ видя ласкѣ господскихъ переѣну
 И всю Маршышкину измѣну,
 Сѣлъ, подгорюнился, и про себя ворчитъ;
 „Теперь-то вѣрю я тому, что начиналъ,
 (Тогда животноыя дарѣ языка имѣли
 И также какѣ и мы, читать, писать, умѣли)
 „Въ одной написанной медведемѣ шарымъ
 книжкѣ,
 „Когда въ берлогѣ онѣ своей лежа мечталъ:
Коль обѣ ноги кто лишь вложитъ въ стремени
„Тому скамейка не нужна!
 „Я вижу самѣ теперь примѣръ себѣ въ Мар-
 шышкѣ!

В. А — 16.

ИЗВѢСТІЯ и СМѢСЬ

Г. Мунго-Паркъ извѣстный по путешествіямъ своимъ во внутренность Африки, недавно побѣхалъ опять туда. Цѣль сего новаго путешествія есть та, чтобы завести торговыя связи между Англіею и главнѣйшими городами Африки.

*

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ Англичанинъ объявилъ, что онъ нашелъ подлинныя рукописи Шекспировы. Поддѣлавшись искусно подъ почеркъ сего славнаго прагика, онъ обманулъ всѣхъ, даже и тѣхъ людей, которые почитали себя знаатоками древности. Теперь сей Англичанинъ напечаталъ это забавное произшествіе, разказываетъ какъ онъ поддѣлывался подъ почеркъ письма Шекспира и упоминаетъ о тѣхъ, которые наиболѣе опличились въ спорахъ о семъ предметѣ.

*

Нигдѣ столько не пишутъ и ни гдѣ такъ много не печатають, какъ въ

Германіи. На Лейпцигскую ярманку привозятъ ежегодныя произведенія Нѣмецкой Литтературы, которыя счисляются не сотнями, а тысячами. Такъ какъ ярманка въ нынѣшнемъ году была двумя недѣлями позже, нежели въ прошедшемъ, то не было никакого сомнѣнія, чтобы книгопродавцы не воспользовались симъ временемъ для напечатанія новыхъ книгъ прошиву прошлагодняго; всѣ думали, что книгъ будетъ больше, но никто не воображалъ, чтобы число книгъ нынѣшняго году превосходило прошедшій 1092 книгами. Каталогъ Лейпцигской ярманки содержитъ 3787 Нѣмецкихъ и Латинскихъ книгъ; писанныхъ на другихъ языкахъ 315, всего 4100 сочиненій. Между многими странными заглавіями, которые доказываютъ, что сочинители усремляли вниманіе свое совсѣмъ на новые предметы, можно замѣтить *разсужденіе о явленіи мертвецовъ*, ипр. — Три спавосемдесять книгопродавцевъ печатали въ семъ огромномъ каталогѣ о сочиненіяхъ ими

издаваемыхъ, изъ которыхъ самой послѣдней печаталъ по крайней мѣрѣ двѣ книги.

Одна Лейпцигская Типографія превзошла всѣ прочія и въ сей годъ оппечатала 86 сочиненій, въ томъ числѣ однихъ романовъ 27!! Изъ сего видно, что спрасъ къ книгопечатанію или, лучше сказать, *пестоманія*, господствуешъ въ Германіи въ высочайшей степени. Какъ бѣдны должны бытъ кашалогамъ всей Европы предъ кашалогамъ Лейпцигской ярманки!

Въ Копенгагенской Академіи живописи студенты показали рѣдкой примѣрѣ благодарности своимъ наставникамъ. При раздачѣ достойнѣйшимъ ученикамъ медалей, одинъ воспитанникъ поднесъ отъ лица всѣхъ товарищей своихъ въ знакъ признательности, золотую медаль Профессору Галиани съ его изображеніемъ и съ приличною надписью. Почтенный шарикъ былъ

пронувъ до слезъ симъ знакомъ благодарности своихъ учениковъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ Англинскомъ Журналѣ объявлено было, что въ Индіи, въ горѣ Елморѣ, открыты подземные ходы. Сіе известіе побудило Г. Юнеса ѣхать въ Индію и осмошрѣть сіи подземелья. Возвратясь въ Лондонъ, онъ издалъ описаніе сихъ пещеръ приложа 24 вида оныхъ. Изъ описанія Юнеса видно, что пещеры сіи простираются подъ землею на нѣсколько миль. Одна изъ нихъ въ три этажа, имѣетъ прекрасныя залы, и огромныя колонады. Пещеры сіи украшены великолѣпно. Въ нѣкоторыхъ есть барельефы искусно обработанные, колосальныя статуи и слоны въ обыкновенной ихъ величинѣ. Вѣроятно, что пещеры сіи суть дѣло рукъ человѣческихъ; но Индейцы не могли дать Юнесу никакого о нихъ известія, ни въ одной пещерѣ Юнесъ не нашелъ надписи, которая бы могла объяснить когда и кѣмъ оныя вырыты.

Теперь почти во всей Европѣ занимаются съ великимъ рвеніемъ древнею Греческою Словесностію. Греція пробуждается наконецъ отъ продолжительнаго своего сна, и мало по малу мракъ невѣжества, покрывавшій ее нѣсколько вѣковъ, разсѣвается. Лучъ свѣта конечно еще малъ; но все предвѣщаетъ, что солнце скоро возсіяетъ во всемъ блескѣ своемъ въ отчизнѣ Сократовъ и Платоновъ. Уже нѣкоторые изъ сыновъ, сей нѣкогда славной Греціи, избѣгнувъ отъ узъ рабства, всѣ силы свои употребляютъ для возведенія отечества своего на прежнюю степень величія, переводя лучшія сочиненія просвѣщенныхъ народовъ давшихъ имъ убѣжище, на отечественной языкѣ. Такъ на примѣръ: *Беккаріево* *разсужденіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ*, *нѣкотораго* *правоведнаго* *книги* *и* *отрывки* *сочиненій* г. *Карамзина* переведены на Греческой языкѣ. Г. Корай (Согау) славной Эленистѣ, переводя Беккарія, приобщилъ къ нему предисловіе на Греческомъ про-

спонародномъ языкѣ, предисловіе исполненное чувства любви къ человечеству и свободѣ. Греки путешествуя теперь по Европѣ не для однихъ торговыхъ дѣлъ — они занимаютъ у просвѣщенныхъ народовъ вкусъ къ наукамъ и художествамъ, и возвращаясь разливаютъ просвѣщеніе въ своемъ опечесствѣ — подобно пчеламъ, которые собираютъ сопы съ душистыхъ розъ и кладутъ ихъ въ свой улей. Еще вѣкъ — и можетъ быть предсказаніе Великаго ПЕТРА исполнится и науки водворятъ свой престолъ въ Герціи.

Славный Шиллеръ 18 Маія между 6 и 7 часовъ вечера, умеръ въ Веймарѣ, на сорокъ шестомъ году отъ рожденія. Онъ родился въ Виршембергѣ, сперва предопредѣлялъ себя медицинѣ; но страсть къ Поэзіи превозмогла и Шиллеръ оставилъ медицину. Въ 1802 году Римской Императоръ за услуги оказанныя Германской словесности, возвелъ его на дворянское достоинство. Шиллеръ былъ Профессоромъ въ Энскомъ

Университетѣ и имѣлъ чинѣ Надворнаго Совѣтника. Цѣлую зиму онѣ спрѣдалѣ тяжкою болѣзнію. Въ послѣднѣе время жизни своей трудился онѣ надѣ сочиненіемѣ трагедіи *Атиллы*, которой однакожѣ не успѣлъ кончить. — Молодой Веймарской артистѣ Ягемонѣ, издалѣ прекрасной эстампѣ изображающей кончину Шиллера. Слѣпокѣ его черепа хопяшѣ отдалѣ Галю для изслѣдованія. Мы на сей разѣ ограничиваемѣ себя малыми извѣстіями о семѣ славномѣ писателѣ — въ будущемѣ номерѣ помѣстимѣ его біографію.

Вѣ Мадридѣ вышла недавно Поэма *Тула* въ 1 пѣсни, соч. Д. Мануелла Изидоро д'Азецца.

Славной Галлѣ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ преподавалѣ въ Берлинѣ публичный курсѣ Теоріи *Черепословія*. Доказательствѣ дѣлалѣ онѣ на великомѣ множествѣ череповѣ, которые онѣ возитѣ съ собою. Для предупрежденія опшраценія, кошорое могутѣ произвести го-

лья кости въ чувствительныхъ лю-
 дяхъ, черепы сіи обшянушы шафшою.
 Слушателей было у него около 500 че-
 ловѣкъ, въ числѣ копорыхъ, не мало
 женщинъ. Открытія его надѣла-
 ли здѣсь много шуму и служашъ
 предмѣтомъ всеобщихъ разговоровъ, не
 смотря на то, что анатомисты мно-
 гому противорѣчашъ. Вообще Галль
 заслуживаетъ уваженіе за ясность сво-
 ихъ объясненій и по своей скромности.
 Говорятъ, что ему дѣлали выгодныя
 предложенія, естлибы онъ согласился
 оспаться въ Берлинѣ; но онъ хочетъ
 ѣхать въ Вѣну, шѣмъ болѣе что запреще-
 ніе наложенное тамъ на его сочиненіе
 о физиологіи, шеперь уже снято. По-
 лагающъ, что книга сія выдетъ въ ше-
 ченіи сего года. Галль и его товарищъ
 Докторъ Шпарцгеймъ ѣдутъ изъ Бер-
 лина въ Гемингенъ для изслѣдованія
 анатомическихъ кабинетовъ Лодера,
 Микеля и Blumenбаха.

*

Копенгагенское общество любителей
 Наукъ и Словесности занимается

теперь изданіемъ правилъ правописа-
нія Датскаго языка, которому по по-
велѣнію Правительства, будутъ слѣ-
довать во всѣхъ судахъ и Министер-
скихъ канцеляріяхъ.

Сентября 18 дня.

Ж У Р Н А Л Ъ

РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Октябрь. 1805.

№ 10.

I.

О Пнинѣ и его сочиненїяхъ.

Неумолимая смерть махнула спрашною косою — и въ мірѣ не спало одного добраго человѣка!.... Поэтѣ любезный, другѣ искренній, защитникѣ угнѣбленныхъ, ушѣшитель несчастныхъ, Пнинѣ, скончался прошедшаго Сентября 17 числа, между 10 и 11 часовъ по полудни. Друзья и любители изящнаго, провожали со слезами гробѣ Поэта-Философа.....

Ежели смерть есть неизбѣжный удѣлъ людей, шо мы должны роп-

Часть III.

5

шать на нее полько за то, что она
 вырвала изъ обьяшій жизни челоука
 добраго, кошорой будучи одаренъ оубъ
 природы всбуи блестящими качества-
 ми украшающими челоука, вб по-
 слбдствіи моубъ бы взойши на шу
 сшепенъ, на кошорой челоуку имбешъ
 всб способы украшашъ пущъ жизни
 своей благодбняіями. Вб цвбпущихъ
 лбпахъ, едва доспигши шридцашлбш-
 няго возраста, уважаемъ всбуи, осы-
 панный благодбняіями МОНАРХА покро-
 вшеля Наукъ, заслуживъ шаланшамъ
 своими уваженіе публики и добрымъ
 сердцемъ любовь друзей — Пнинъ
 имблб вб виду блестящую проспекши-
 ву и вб масшишой спаросши вкусилъ
 бы плоубъ своихъ прудовъ; но смерши
 сб зависшю взиравшая на споль слав-
 ную жершву, единымъ взмахомъ ужа-
 снаго желбза, пресбкла нечаянно жизни
 и всб лесшныя надежды его и всб ожи-
 данія, кошорыя мы вб правб могли имбш
 оубъ его дарованій. Публика лишилася
 вб немъ хорошаго писашеля, друзья по

теряли въ немъ чловѣка, котораго любили искренно.

Иванъ Петровичъ Пнинъ обучался первоначально въ благородномъ пансіонѣ Московскаго Университета, а потомъ въ Кадетскомъ корпусѣ. Въ послѣднюю Шведскую войну былъ онъ офицеромъ артиллеріи и служилъ во флотиліи. Въ 1801 году, вступилъ въ канцелярію Государственнаго Совѣща, а въ 1802 году при учрежденіи Министерствъ, поступилъ Экспедиторомъ въ департаментъ Министра Народнаго просвѣщенія. Два мѣсяца тому назадъ былъ онъ здоровъ и веселъ; но вдругъ злая чахотка, слѣдствіе сильной простуды, лишила его совершенно силъ. Слабость здоровья принудила его взять отставку — чинъ Коллежскаго Совѣтника и пенсія, были наградою его службы.

Сочиненія Пнина останушя незабвенными въ рукописяхъ нашей Словесности. Давно уже сказано, что хорошіе писатели еще въ ребячествѣ оказываютъ шотъ быстрой полетъ Ге-

нія, копорой вѣ послѣдствіи возводилъ ихъ на верхъ славы — Пнинъ вѣ младенчествѣ еще сочинялъ стихи, копорые могли бы сдѣлать честь и вѣ совершенномъ возрастѣ чловѣку. Творенія его исполнены того духа поэзіи и того чувства добродѣтели и испины, копорые составляютъ совершенство образованнаго чловѣка. Хопя онъ умеръ молодъ; но труды его вѣ словесности были многочисленны: вѣ 1798 году издавалъ онъ *Санктпетербургской Журналъ*, копорой былъ занимателенъ для публики по прекраснымъ стихотвореніямъ излившимся изъ его пера. Съ качествомъ хорошаго Поэта соединялъ онъ и качество хорошаго прозаиста и собственнымъ примѣромъ доказалъ, что хорошій поэтъ можетъ быть и хорошимъ писателемъ вѣ прозѣ, и что для чловѣка одареннаго талантами, всѣ роды писаній свойственны. Онъ написалъ *Воля невинности отвергаемой закономъ*, *Опытъ о просвѣщеніи* и трудился надъ сочиненіемъ *о возбужденіи патріотизма*. Съ будущаго года хо-

пѣлъ онъ издавать Журналъ подъ названіемъ: *Народный Вѣстникъ*, копорой еспьямъ судить по програмѣ и талантамъ Издашеля, конечно былъ бы лучшимъ произведеніемъ нашей Словесности, и далеко бы оставилъ за собою всѣ Журналы доселѣ у насъ бывшіе. Въ послѣднія минушы жизни своей, прудился онъ надъ сочиненіемъ драмы *Велизарій* — написалъ уже первое дѣйствіе; но нечаянная смерть не позволила ему оной кончить.

Пнинъ былъ рожденъ Поэтомъ истины. Лира его не гремѣла похвалъ лести — онъ хвалилъ иногда; но самая похвала его имѣла на себѣ печать истины. Осыпая похвалами онъ умѣлъ давать уроки строгой добродѣтели. Просвѣщенные иностранцы, хопя въ слабомъ переводѣ, умѣли чувствовать цѣну и восхищаться красотами его швореній. Въ 1804 году хотѣлъ онъ издашь свои сочиненія подъ названіемъ: *Моя Лира*; но оставилъ въ послѣдствіи свое намѣреніе. Склонясь на прозѣбы Журналистовъ, отдалъ онъ

имъ свои стихи. Публика съ удовольствіемъ читала въ Журналахъ нынѣшняго года прекрасные стихи его *Славу* и *Надежду*. Любя меня, бралъ онъ участіе въ семъ изданіи: *Ода геловѣкъ*, *Уединеніе*, *Стихи на сонъ*, *Къ рождѣ*, сунъ произведенія его пера. Но славнѣйшій памятникъ ославленный имъ, есть *Ода на правосудіе*, сочиненная имъ въ нынѣшнемъ году. Послѣднимъ произведеніемъ его пера, естли не ошибаюсь, былъ *Гимнъ* пѣшый при заложени биржи на случай посвщенія, коимъ удостоилъ Государь Императоръ Россійское купечество. Вольное общество любителей Наукъ, Словесности и Художествъ, уважая отличныя дарованія его, 15 Іюля сего года, избрало его своимъ Президентомъ. Пнинъ не успѣлъ произвести въ дѣйство того, что онъ хотѣлъ предпринять для чести общества и смѣю сказать, для пользы Словесности. Оплакавъ невозвратную потерю, друзья любезнаго Поэта согласились воздвигнуть на гробъ его памаш-

никъ общимъ иждивеніемъ (*). Дабы дать сильнѣе почувствовать чашашелямъ эту потерю, которую мы сдѣлали, да позволено мнѣ будетъ, въ память несчастнаго Поэта, помѣстить Оду его на правосудіе, хотя она и была уже напечатана. Сіе произведение его пера будетъ лучшимъ памяникомъ, которой только можно воздвигнуть въ честь его.

Пнинъ умеръ съ спокойствіемъ непорочной совѣсти, онъ сохранилъ до послѣдней минуты память и присудствіе духа. Онъ не спрашивался смерти, ибо она ужасна только злодѣямъ — доброй не ужасается сего послѣдняго

(*) 23 Сентября въ засѣданіи Вольнаго Общества любителей Наукъ, Словесности, и Художествъ, гдѣ я читалъ сію статью, члены въ шестъ же вечеръ собрали подписку на сооруженіе памятника Ив. Пепр. Пнину. Члены-художники вызвались сдѣлать для онаго рисунокъ; а Г. Востоковъ предложилъ изобразить на камнѣ сіи слова: *Друзья Пнину*. Сей будетъ единственный па-

жребія и спокойно заносѣшь ногу въ вѣчность! и пошѣ, кшо въ прекрасныхъ стихахъ сказалъ:

Что смерть послѣдняя бѣда!

Могъ ли ужасаться ее? Могъ ли оставяшь съ горестію жизнь пошѣ, кшо написалъ сіи прекрасные стихи:

Что жизнь? — Ужасной сонъ, копорой кончимъ въ гробѣ.

Что жить? — Быть жертвою спростямъ, обманамъ, злобѣ!

Я оплакиваю въ немъ не Поэта славнаго; но человекъ добраго, друга истиннаго, копорого я почиталъ и любилъ нелицемѣрно! Ахъ! шипло *добраго*, ешь первѣйшее и достойнѣйшее человекъ!

мяшникъ воздвигнушый цѣлымъ обществомъ одному человекъ. — — Съ какимъ рвеніемъ члены другъ предъ другомъ спарались почтить память нещаснаго Пнина! Гда Языковъ, Измаиловъ, Попугаевъ, Радицевъ, Осполоповъ, Писаревъ, читали сочиненія въ честь покойнаго сочлена своего, въ копорыхъ шцились изобразить нелестную скорбь о пошерѣ невозвращной.

Всякой, кто знал Пнина согласился, что при великомъ умѣ, быстрой понятности, чрезвычайной памяти, глубокомъ познаніи, онъ имѣлъ сердце нѣжное, чувствительное, открытое для дружбы. Съ такими преимуществами, не всѣмъ данными природою, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Нашедъ приятелей, онъ не перялъ ихъ никогда; зналъ тайну привлекать къ себѣ сердца людей и умѣлъ въ самомъ дружескомъ обращеніи, соединять любовь съ уваженіемъ.

Я говорилъ о Пнинѣ какъ о писателѣ, теперь долженъ показать ту черту его характера и сердца, которая всегда заставитъ жалѣть о потерѣ сего достойнаго человека. Будучи весьма не богатъ, онъ любилъ помогать несчастнымъ. Съ жаромъ друга человѣчества, всякую скорбь, угнетеннаго людьми или судьбою человека, бралъ онъ близко къ сердцу своему и не щадилъ ни трудовъ, ни покоя, ни издѣвенія, для облегченія судьбы несчастныхъ. Онъ чувствовалъ, что благодареніе иногда

только дорого, когда оно, согласуясь съ учениемъ Христіанскимъ, шворится въ шайнѣ и покрываетъ завѣсою неизвѣстности руку ниспосылающую благодѣяніе. *Да не увѣствъ шуйца твоя, што творитѣ десница твоя* — естъ первѣйшій долгъ истиннаго Христіанина.

Прости мнѣ, пѣнь поэша! еспубли я слабымъ перомъ моимъ дерзнулъ изобразить свои добродѣтели! не леть заставила меня писать сіи спроки — себя уже нѣшъ въ семъ печальномъ мѣрѣ! Благодарность, дружба, предводили перомъ моимъ. Ахъ! щаспливъ бы я былъ еспубли бы возмогъ чѣмъ либо извяснить шу благодарность и любовь, копорыми пылало къ тебѣ мое сердце; еспублибы возмогъ когда залушить шу чувство скорби, копорое съ смертію швоею врѣзалось въ мое сердце и копорое никогда уже изъ онаго не изгладится...

Ода на правосудіе.

*Правосудіе есть основаніе всѣхъ обществен-
ныхъ добродѣтелей.*

Голубахъ.

**Блаженство смертныхъ, царствъ под-
пора,**

**Злодѣевъ страхъ, невинныхъ щипъ,
Ты, коего прещещъ взора
Порокъ, хоть онъ вѣнцемъ покрышь.
Ты, кое лицъ не разбираешь,
Равно щадишь, равно караешь
Рабовъ, вельможей и Царей;
Ты, безъ когобъ и Боги сами
Не почишамъ бы Богами
И не имѣли олшарей.**

* * *

**О правосудіе! шобою
хранишся шолько смертныхъ родъ.
Гдѣ шы — шамъ съ мирною душою
Трудовъ своихъ вкушающъ плодъ.**

Гдѣ ты — тамъ собственность священна,
 Тобою твердо ограждена,
 Ликуешь въ щасливыхъ сердцахъ.
 Тамъ всюду золошой рѣкою
 Текутъ сокровища съ побою
 И зришь радость на челахъ.

* * *

Гдѣ ты — тамъ царствующъ законы,
 Тамъ челоуѣкъ всегда почтенъ.
 Тамъ тверды въ основаньяхъ проны,
 И къ правдѣ путь не загражденъ.
 Тамъ истина безъ страха ходишь,
 Ко всѣмъ безъ робости подходишь,
 И чистою своею рукою
 Личину съ зависши срываешь,
 Коварство, мщенье обнажаешь,
 И кажешь умыселъ ихъ злой.

* * *

Гдѣ ты — тамъ равными правами
 Граждане пользуются всѣ.
 Тамъ надъ породой и чинами
 Заслуги верьхъ берутъ однѣ.
 Тамъ гнусна лещь у всѣхъ въ презрѣннѣ,
 Наружный блескъ не въ уваженнѣ,

Не чшупѣ достоинствомѣ его.
 Богашый сѣ подлюю душою
 Ничшо предѣ чесшой ницешоу ;
 Добро превыше шамѣ зсего !

* * *

Гдѣ шы — шамѣ вошь ѣе раздаешся
 Нещасныхѣ, брошенныхѣ сиротѣ;
 Всѣмѣ нужна помощь подаешся,
 Не раболѣбствешѣ народѣ.
 Тамѣ земледѣлецѣ не спрашится,
 Чшобы насильствомѣ могѣ лишиться
 Имѣ вѣ пошѣ собранныхѣ плодовѣ.
 Любуешся смошря на ниву,
 Вѣ ней видя жизнь свою щасшливу,
 Благословяешѣ швой покровѣ.

* * *

Гдѣ шы — шамѣ воинѣ презираешѣ
 Опасности и жизнь свою.
 Умру! вѣ воспоргѣ восклицаешѣ,
 Умру за родину мою !
 Я жизни вѣвѣкѣ не пожалѣю,
 Хошя жену, дѣшей имѣю;
 Паду ли отѣ враговѣ моихѣ
 И болѣе меня не будетѣ;
 Тогда законѣ ихѣ не забудешѣ,
 Есть Правосудіе для нихѣ.

Гдѣ ны — шамъ Геній Просвѣщенья,
 Лучами мудросши своей,
 Ошкрывъ злоредны заблужденья,
 Ведешъ на пушь прямой людей.
 Науки храмы шамъ имбюшъ,
 Художества, искусства зрбюшъ,
 Торговля богашишъ народъ.
 Тамъ духъ зиждишельный свободы,
 Проникнувъ таинства Природы,
 Споричный собираешъ плодъ.

* * *

Душа покоя и устроинства,
 Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ!
 Ты образуешь духъ геройства,
 Безсмертіе ешь пвой удѣлъ.
 О Правосудіе! не можно
 Тебя намъ описатьъ, какъ должно;
 Ты Божество между людей!
 Природа въ красный день весною
 Не восхищаетъ насъ собою,
 Когда не зримъ твоихъ лучей.

* * *

Гдѣ нѣшъ себя — шамъ все рыдаешъ,
 Все спонешъ, смерть къ себѣ зовешъ;
 Пожаръ вражды вездѣ пылаешъ,
 И Жершвы острый мечъ сбчешъ.

Тамъ всюду кровь печетъ ручьями,
 Родители въ борьбѣ съ сынами,
 Сыны прошивъ отцовъ идушъ.
 Тамъ сбшуетъ сама Природа,
 Права отвѣяшы у Народа,
 И шигры агнцовъ шамъ пасушъ.

* * *

Гдѣ нѣтъ себя — шамъ всѣ несчастныя
 Отъ земледѣльца до Царя.
 Законы дремлюшъ и безгласны,
 Тамъ всякъ живешъ лишь для себя.
 Нѣтъ ни родства, союза, вѣры,
 Тамъ видны лишь злодѣйствъ примѣры,
 Шипяшъ пороки и язвынѣ.
 Тамъ выгодъ нѣтъ бышь добрымъ, честнымъ,
 Бышь другомъ искреннимъ, неслепнымъ;
 Тамъ чашу смерти пьешъ Сокращъ.

* * *

Гдѣ нѣтъ себя — шамъ нѣтъ невинныхъ,
 Тамъ гибнушъ всѣ своей чредой;
 Тотъ нынѣ жертвою былъ сильныхъ,
 А завтра сильныхъ, жребій злой
 Ведетъ на эшафотъ кровавый.
 Тамъ совѣсть и разсудокъ здравый

Не сильны произнести свой гласъ.
 Народы тамъ живутъ безъ цбли,
 Для коей жить они хотѣли;
 Горятъ раздоры всякой часъ.

* * *

Но естли то должно случиться,
 Что мѣръ съ своей оси падетъ,
 Вселенна въ Хаосъ погрузится,
 И солнце шаръ земной зажжетъ;
 То роковой сей день природы,
 Тогда постигнешъ лишь народы,
 Когда ты скроешься отъ нихъ!
 О! лучше мѣръ пусть истребится,
 И больше смертный не родится,
 Чѣмъ жить ему въ бѣдахъ такихъ!

* * *

Нѣтъ, нѣтъ! живи ты вѣчно съ нами,
 Храни сей мѣръ, храни людей,
 Да швой обвѣшый скиншрѣ цвѣтами
 Составишь счастье нашихъ дней!
 Совекупи ты всѣ народы,
 Дѣшей единыя Природы,

Подъ сѣнъ державы швоея ;
Владѣй надъ цѣлою вселенной ,
И сей внушай законъ священный :
Что нѣтъ блаженства безъ тебя !

Плино.

*Опытъ Критико-Философическаго
Словаря.*

А.

Авторъ. Опекунъ чужихъ умовъ.

Анахорета. Искатели щасія въ
будущемъ, шеря оное въ *настоящемъ*
времени.

Антка. Споловая комнаша смер-
ши.

Анткаръ. Оруженосецъ смерши.

Архива. Неприкосновенный прахъ
временъ.

Ахъ! У муцинъ обманъ, у жен-
щинъ слабость, у спихошворцевъ при-
вычка.

Б.

Балъ. Выспавка вѣшнихъ досто-
инствъ, за неимѣніемъ нерѣдко внут-
реннихъ.

Банкрутство. Панахида по совѣсти.

Безмолвіе. Пророческій образъ вѣч-
ности.

Библиотека. Чужіе умы, многимъ
вѣзамѣну своихъ умовъ.

Благородство. Достоинство, не рѣд-
ко приобретаемое только одною родо-
словною.

Богатство. Благоприятный случай
развращишься.

Болезнь. Оброкъ лѣкарямъ.

Бракъ. Время, дѣвцами ожида-
емое, женами проклиняемое, вдова-
ми оплакиваемое, спарушками воспоми-
наемое.

Бриллиантъ. Игрушка возмужалыхъ
людей.

Бухгалтерія. Наука щипать чужое
богатство, при своей бѣдности.

Бумага. Оселокъ ума, а по боль-
шей части, оселокъ глупости писате-
лей.

Бѣдность. Щипь противъ зависти.

В.

Воздержаніе. Всякой предписываешь;
но рѣдкой исполняешь.

Воспитаніе. Старинное слово, вышедшее изъ употребленія.

Восторгъ. У пища сумазброденъ, у любовника смѣшонъ, у богача подозришеленъ, у бѣднаго опкровененъ.

Время. Опекунъ безчисленныхъ дурачесствъ.

Вѣрность. Слово, извѣстное только по одной грамматикѣ, что оно женскаго рода.

Выздоровленіе. Сашира на лѣкарей.

Г.

Газеты. Сны неспящихъ людей.

Гербы. Убѣдительное доказательство о своихъ достоинствахъ, не рѣдко оспариваемыхъ прошивными дѣлами.

Голодъ. Искусный поваръ.

Гордость. Незнаніе самаго себя.

Гости. Помощники убивающъ время.

Д.

Деньги. Вещь неодушевленная, повѣляющая всѣмъ одушевленными въ міръ.

Добродѣтель. Иероглифъ, для насъ непонятный.

Долги. Лучшій способъ быть всегда съ людьми.

Достоинство. Опличіе, нерѣдко сохраняемое на однихъ только гербахъ и печашяхъ.

Дребедень. Голосъ многихъ нынѣшнихъ спихошворцевъ.

Друзѣ. Слово, оставляющее по себѣ одинъ только гулъ.

Душа. Свое добро многимъ не въ догадку.

Е.

Ересь. Упрямство невѣждъ.

Ж.

Желаніе. Принадлежность смертныхъ.

Желудокъ. Причина многихъ сумасбродныхъ дѣйствій нашей жизни.

Жеманство. Женскія судороги.

Женидба. Есть такое государство, изъ котораго большая часть жителей

желаешь выѣхать, а чужестранцы хотятъ поближся.

Женихъ. Актёръ до свадьбы.

Жизнь. Ночлеги для смертныхъ.

Журналистъ. Тоже, что счешчикъ чужихъ денегъ.

З.

Зависть. Начало зла.

Зеркало. Другъ молодыхъ, врагъ старыхъ.

Злословіе. Свободное время пороченныхъ.

Знатность. Многие полагаютъ ее въ долгахъ.

Зрѣніе. Одно изъ пяти чувствъ; нерѣдко бываетъ главнымъ поводомъ къ соблазну.

И.

Игра (каршочная). Способъ учпывымъ образомъ обкрадывать.

Истина. Слово существительное по одной только грамматикѣ.

Исторія. Поученіе попомству.
Историкъ. Льспець времени.

К.

Кабакъ. Перепутье пьяницамъ.

Календарь. Вѣстникъ будущаго времени, часно незнающій *настоящаго*.

Кладбище. Бельмо лѣкарямъ.

Клятва. Любовникъ употребляетъ кляпву, чшобы искуснѣ обмануть; а любовница, чшобы его въ помъ предвупредить.

Консиліумъ. Важное собраніе смѣшныхъ лицъ.

Краснорѣчіе. Богатая одежда лжи.

Кротость. Достоинство, приписываемое нерѣдко пѣмъ людямъ, которые *только то не дерутся*.

Купецъ. Человѣкъ, который нерѣдко не дорожитъ совѣстью.

Л.

Легковѣріе. Признакъ невѣжества.

Лестъ. Тоже, что позолоченая пилюля.

Лира. На всегда распроенное му-
сикійское орудіе.

Лицежѣрб. Расчепливой плушѣ, по-
терявшій счѣтѣ однимѣ полько своимѣ
плушнямѣ,

Ловкость. Женскія сѣши.

Ложь. Одежда, прикрывающая ду-
шевные лахмошья.

Лестецѣ. Другѣ людямѣ, врагѣ че-
довѣчеству.

Лѣкарство. Задашокѣ смерти.

Лѣкарь. Любовникѣ смерти.

Лѣньность. Подруга скукѣ.

Лѣнитсѣя. Бесѣдовашѣ сѣ смертію.

М.

Маскерадѣ. Каршина нашей жизни.

Меланхолія. Вывѣска душевной бо-
лѣзни.

Месть. Опрада злодѣевѣ.

Мѣтаніе. Піищическій припадокѣ.

Могла. Конецѣ замысламѣ смерш-
наго.

Модл. Задашокѣ глупости людей.

Морщины. Лелѣяніе времени.

Мотовство. Почитається теперъ безприспраспїемъ кѣ деньгамъ.

Мудрецъ. Человѣкъ не нынѣшняго свѣта.

Мужъ. Надежда дѣвушкамъ, опчальніе женамъ.

Н.

Наглость. Качество, многими заимствуемое, для поддержанія мнимой храбрости.

Награжденіе. Одно дѣйствіе, часто безъ причины.

Надежда. Многіе почитаютъ ее первымъ благомъ въ мірѣ; вѣрнѣе назвать ее послѣднимъ имущесітвомъ человека. Поперявъ сперва все *настоящее*, тогда уже мы беремъ за *будущее*, какъ будшобы за остальное свое имѣніе.

Наружность. Такъ же какъ заглавіе книги — часто обманчиво.

Невѣста. Загадка до свадьбы.

Непостоянство. Сынъ времени, ошець моды, любимецъ женщинъ, власшелинъ щасія.

Неудага. Принадлежность лѣкаря.

Нищета. Богашство для надѣянія.

Зравоуцетелъ. Тоже, что лѣкарь, кошорый лѣчитъ больныхъ, а самъ умираетъ.

Иѣга. Дань развращу.

О.

Обманъ. Разговоръ общежитія.

Общество. Подобно биржѣ, разница въ поварахъ; но обманъ шотъ же.

Объщаніе. Привычка знапныхъ особъ.

Опытность. Наставникъ нашей жизни.

Остроуміе. Цѣвпки ума.

Отгаланіе. Удвоиваніе своего нещастія.

П.

Переплетчикъ. Тоже, что и поршней; оба рѣдко одѣваютъ, смотря по добротѣ вещи.

Питъ. Житель другой планеты.

Повѣтріе. Брашничество смерти.

Подарокъ. Искусный спрягчій по приказнымъ дѣламъ.

Подаяніе. Обычай, прокливаемый скупыми.

Подлость. Презрѣніе всѣхъ достоинствъ чловѣка.

Порокъ. Госпъ изъ ада.

Потомки. Судьи предковъ.

Праздность. Усмѣшка порока.

Прелестница. Рай для глазъ, адъ для души, смерть для шѣла, болѣзнь для кошелька.

Прижѣръ. Избранный урокъ для нашей жизни.

Прихоть. Родъ женской болѣзни, для которой бесполезна вся медицина.

Простота. Свойственница рогатыхъ мужей.

Простякъ. Находка для жены.

Плѣшность. Убожесшво для души.

Р.

Разсудокъ. Царь умѣренности, рабъ спрасшей.

Рабство. Своеволие людей.

Раскаляніе. Встрѣча съ добродѣтелью.

Рецептъ. Переписка съ смертію.

Рога. Реэспрѣ у мужа женнинымъ
гослямъ.

Родословная. Рожденіе умершихъ,
въ пользу родившихся.

Роскошь. Жилище пороковъ.

Ростовщикъ. Непримирымъ врагъ
совѣспи.

С.

Свадьба. Срокъ любви.

Скука. Удѣлъ богатыхъ.

Слезы. Горестъ щасливца, отпра-
да нещаснаго.

Смерть. Снисхожденіе лѣкаря къ
больному.

Совѣств. Одежда, не по погодѣ ны-
нѣшняго вѣка.

Сомнѣніе. Корень неопышности.

Сонъ. Оппечашокъ вѣчности.

Старикъ. Младенецъ времени.

Степенность. Видъ, копорый при-
нимающъ шолько во время молишвы.

Стихотворство. Родъ заразишельной
болѣзни.

Столѣтіе. Образчикъ вѣчности.

Сторожъ. Человѣкъ, искупляющій своимъ спокойствіемъ спокойствіе другаго.

Сусѣрѣе. Старой дѣшя молодаго ума.

Суста. Игра вреднаго воображенія.

Щастіе. Игра въ жмурки.

Сѣдина. Повѣска времени о приближеніи смерти.

Т.

Твердость. Свойство, предоступленое теперь однимъ только ископаемомъ.

Театръ. Мѣлкая живопись человеческихъ дѣяній.

Темнота. Свѣтъ любовникамъ и ворами.

Терпѣніе. Товарищ надежды.

Трауръ. Наружная печаль нерѣдко со внутреннимъ смѣхомъ.

Трудъ. Сынъ нужды, отецъ изобилія.

Трусость. Лихорадка хвасливыхъ людей.

Туалетъ. Попечишель женской красоты.

Тщеславіе. Выспавка минушнихъ своихъ достоинствъ.

У.

Увѣреніе. Прошивурѣчіе дѣла.

Уловка. Тайна богача, ошкроденность бѣднаго.

Умингате. Привычка дураковъ.

Утѣность. Способность небыть способнымъ въ нынѣшнихъ бѣдахъ.

Утѣвность. Маска общежитія.

Ф.

Фижжю. Прибавка къ женскому платью для занятія въ комнатахъ лишняго мѣсна.

Х.

Хаосъ. Первобытное состояніе міра, и насоящія дѣла людей.

Хвастунъ. Бѣдный, присвоивающій чужое богатство.

Ц.

Церемонія. Важная и хлопотливая проволочка, часто весьма неважнаго дѣла.

Ч.

Часъ. Свидѣтели пошери времени.

Чухотка. Приемышъ смерти.

Человѣколюбіе. Слово, которое мы можемъ приискашь безъ всякаго затрудненія только въ Словаряхъ.

Человѣкъ. Безъ добрыхъ дѣлъ, тоже, что солнечные часы безъ солнца.

Чета. Тоже, что шапральная развязка, всегда кончишя плачемъ или смѣхомъ.

Ш.

Шампанское вино. Опличіе въ пьянствѣ дворянъ отъ черни, хотя причина и дѣйствіе одинакое.

Шнага. Недвижимая храбрость, которая часто привѣшивается къ движимой шрусосши.

Щ.

Щеголь. Вывѣска лучшей работы цѣховыхъ ремесленниковъ.

Щедрость. Улика скупымъ.

Ѣ.

Ѣда. Обыкновенное употребленіе со всегдашнею охопою.

Ѣзда. Улика ногамъ въ недѣяшельности.

Ю.

Юла. Подобіе вершопраха.

Я.

Ядро. Сосѣдъ смерти.

Ярость. Уроки фурий.

— — — — — " — "

(*) Чувствительно благодарю любезнаго Сочинителя за сей прекрасной ошрывокъ, которой я съ удовольствіемъ помѣщаю въ Журналъ моему.

Изд.

*С т и х и.**На заложеніе Ново-Теркасска (*).*

Россія! ты благословенна

Всеуправящимъ міровъ Творцемъ! —

Сколь часъ твою превознесенна

Твоимъ **МОНАРХОМЪ** и **Опцемъ!**

Давно вселенная дивилась,

Давно со шрепешомъ чудилась

И славъ и красъ Твоей;

МОНАРХЪ ошъ неба дарованный,

Какъ Ангелъ свыше ниспосланный,

Цѣлнуетъ свѣшъ красой своей. —

*

Его недремляющее око

И бодро-благотворный духъ

Во благо впередны глубоко;

Онъ мудрости — онъ правды другъ! —

Речешъ ли что — речешъ святое,

Творишъ ли что — шворишъ благое,

Одинъ всѣмъ жершвуетъ собой;

Забояся о всѣхъ спокойствѣ,

О мирѣ, шшшинѣ, устройствѣ,

Всѣмъ — каждому ліешъ покой. —

(*) Присланы изъ Воронежа.

Чертогъ Его — храмъ благъ Священный,
 Какъ рай отверсшій всѣмъ Хрисомъ,
 Вельможа въ злою облеченный
 И бѣдный въ рубищѣ простомъ,
 Герой съ побѣдой надъ врагами,
 Вдова въ спраданіи, съ слезами,
 Свободно всѣ въ него идущъ;
 Придворный славою водимый;
 Невинный злобою гонимый,
 Всѣ, всѣ равно шуда шекущъ. —

*

Подъ скипетромъ его державнымъ
 Процвѣлъ Россійскихъ музъ Парнасъ;
 Уже велѣніемъ преславнымъ
 Разнесся по Россіи гласъ:
 Да будетъ юность заколебна,
 Наукъ зарею просвѣщенна,
 Во всякомъ званіи людей;
 Чшобъ плугъ красился просвѣщеньемъ,
 Чшобы пасухъ плѣнясь ученьемъ,
 Зналъ цѣну участи своей. —

*

Горя любовью къ Богу, къ вѣрѣ,
 Вявѣ гласу Истины Святой,
 Отверзъ онъ благочесшья двери,
 Устроивъ церкви чинъ прямой:

[шобъ храмъ молишвъ и приношеній,
 [ыль храмомъ горнихъ небопѣній;
 [а всякъ со страхомъ въ оны печешъ,
 [а предъстоя благоговѣнно
 въ чертогъ Божию Священномъ,
Молга — молишвы къ небу шлешъ.

Полсвѣща обладашеть сильный
 Дной десницей правишъ Нордъ,
 Аля пошоки благъ обильны
 За Скиѣскій Сѣверный народъ;
 Дсхякъ съ колчаномъ, съ пепивами,
 Апланецъ, Камчадалъ съ стрѣлами,
 Во льдяномъ шалашѣ Якушъ,
 Юдъ скипетромъ Его покойны,
 Агонамѣренны и стройны,
 Безбѣдственную жизнь ведутъ.

Другой десницей полдень жаркій
 Локошъ, держишъ и хранишъ;
 Дѣ лучъ небесный знойно-яркій
 Кавказа верхъ огнемъ палишъ;
 Амъ скошоводный Кабардинецъ,
 Аунгъль, Черкесъ, и Осетинецъ,

Подъ солнечнымъ лучемъ прямымъ,
 Въ горахъ ошъ зноя укрываясь,
 По скалистымъ шепямъ скишаясь,
 Довольны жребіемъ своимъ.

Но ты, Черкаскъ благословенный,
 Щасливѣй всѣхъ въ судьбѣ швоей!
 Се! АЛЕКСАНДРЪ всевождемъный
 Особой благосшью своей
 Тебѣ благошвора примѣрно,
 Воспекся ревностно, безмѣрно
 О благоденшвіи швоемъ! —
 Се, къ удивленію Россіи,
 Тебя изъ бурныя стихіи
 Извлекъ, Танайскихъ шпанъ вождемъ! —

Плашовъ! — великій вождь и славный
 Достигъ намѣреній своихъ!
 Свершилъ МОНАРХЪ Самодержавный
 Твое желанье во благихъ! —
 Свершилъ — и сей швой подвигъ громкій
 Прославяшъ поздые пошомки! —
 И сей Черкасскъ — сей новый градъ,
 Воспрубишъ громкою шрубою,
 Поя швой шруды съ хвалою,
 Среди спокойшва и ошр адъ.

Доколѣ плещешъ Донѣ волнами,
 Влача шумящія струи;
 Дошоль Танайскими берегами
 Прославяшся дѣла швои! —
 Достойно шакѣ — шы ихѣ спокойство,
 Мирѣ, шину, благоустройство,
 Примѣрно, ревностно блюдешь;
 Твоя хвала всегда съ шобою;
 И — съ добродѣтелью Свяшою
 Ты въ позды вѣки процвѣтешъ! —

А...и Г...вѣ.

Стихи

На музику, сочиненую славною Гайденомъ, подъ названіемъ: Сотвореніе міра.

Богъ рекъ: да будетъ свѣтъ — Вселенная гошова.

Всю силу, дѣйствіе шакого слова
 Одинъ изъ смершныхъ могъ познашь,
 Котораго волшебна лира,
Устройству свѣтлому умѣла подражать!
 Ужели Гайденъ былъ при сотвореніи
 міра? . . . ,

„ — „

*Impromptu**На смерть М. П. Пнина.*

(Написанное въ самое то время, когда
Секретарь Общества Люб. М. С. и Х., ги-
талъ донесеніе о смерти сего достойнаго
Президента).

Онъ былъ и нѣтъ его! . . . прискорбіе
сердечно! . . .
Въ сихъ крапкахъ двухъ словахъ, вся крап-
кось нашихъ дней;
Но шопъ, кто сѣдинялъ умъ съ крошкой
душей,
Въ чувствительныхъ сердцахъ живешъ, жи-
вешъ шопъ вѣчно!

» — »

VII.

С т и х и

На конгину Ивана Петровита Пнина.

Дивисьсяль, смершь, швоей намъ злобѣ?
 Ты не жалбешь никого,
 Ты вздумала — и Пнинъ во гробѣ!
 И мы не зримъ уже его!

Но щещно шы его сразила,
 Онъ будешь жись въ сердцахъ друзей,
 Ничто швоя надъ шѣми сила,
 Любимъ кшо въ жизни былъ своей.

Въ семъ мѣрѣ все превращено, шлѣбно,
 И все къ ничтожесшву идеаль!
 Лишь имя добрыхъ не забвенно;
 Оно изъ вѣка въ вѣкъ пройдешь.

Друзья! мы друга не забудемъ
 Въ опшщеніе пиранкѣ злой;
 Мы помнишь вѣчно, вѣчно будемъ,
 Какъ Пнинъ плѣнялъ своей душой.

Какъ онъ прѣшной ошкрошою
 Любезенъ въ обществѣ бывалъ,
 И какъ съ сердечной просшошою
 Свои намъ мысли ошкрывалъ.

Мы будемъ помнишь, какъ спарался
 Онъ просвѣщенъе ускорить,
 И что ни мало не боялся
 Въ швореньяхъ правду говорить.

Мы будемъ помнишь — и слезами
 Его могилу окропимъ,
 И истинными похвалами
 Въ попомство память предадимъ....

Блаженъ, кто въ жизни сей умѣешь
 Привлечь къ себѣ любовь сердець!
 Блаженъ! — надежду онъ имѣешь
 Обрѣсть безсмертія вѣнецъ!

М. Остолоповъ ()*.

(*) Долгомъ позволяю благодарить чувствительно
 г-на Остолопова за участіе, которое онъ беретъ
 въ семъ изданіи.

С т и х и.

На кончину Ивана Петровича Пнина.

Что слышу? — Пнинъ уже во гробѣ!
 Ушла его на вѣкъ умолкли,
 Кошоры мудросью пѣняли!
 На вѣки сердце охладѣло,
 Которое добромъ дышало!
 На вѣкъ рука оцѣненѣла,
 Кошора истину цисала!
 На вѣки мы его лишились!

О смерть! изчадье ада злое!
 За чемъ, за чемъ его сразила?
 Онъ былъ еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ!
 А часто изверги ужасны,
 Кошоры землю оскверняютъ,
 Кошоры кровь пьютъ беззащитныхъ,
 Живутъ до старости глубокой!
 Зачемъ не ихъ, его сразила?

Какъ древо юное весной
 Въ саду при солнцѣ зеленѣешь
 И будучи покрыто цвѣтомъ
 Плоды обильны общаешь,
 Плоды, которые бывають

На немъ всегда годъ года лучше ;
 Всѣ имъ любуются и першомъ
 Его другъ другу указуютъ . . .
 Но мразъ спускается на землю
 Валишся цвѣтѣ и листѣ зеленый,
 Вошце садовникъ испощаетъ
 Свое искусство, попеченья,
 Прекрасно древо сохнетъ, сохнетъ
 И глядъ со всѣмъ уже засохло. —
 Такъ точно Пнинъ погибъ несчастный!

Сеголь, друзья! мы ожидали? . . .
 Почтимъ же прахъ его слезами,
 Цвѣтами гробъ его украсимъ
 И памятникъ ему воздвигнемъ
 Надъ хладною его могилой (*)
 Хошя онъ памятникъ поставилъ
 Еще давно себѣ и вѣчный
 Въ сердцахъ у насъ, въ своихъ швореньяхъ.
 О Пнинъ! другъ милый и почтенный!
 Миръ праху швоему на вѣки!
 Твое вѣкѣ имя будешъ славно
 И памяшь вѣчно драгоцѣнна
 Для насъ и для потомковъ нашихъ!

(*) Друзья его хотятъ воздвигнуть ему памятникъ
 съ надписью: *Пнину друзья.*

Когда пишашь что долженъ буду
 Для пользы я моихъ согражданъ,
 Тогда, о Пнинъ, мой другъ любезный!
 Приду я на твою могилу
 И пѣнь твою воображая,
 Твоимъ исполнясь вдохновеньемъ,
 Пишашь шупъ лучше, лучше спану.
 Когда же мнѣ судьба судила
 Еще прожить на свѣшъ долго
 И небо мнѣ сыновъ даруешъ,
 То имъ доспаваю воспитанье
 По правиламъ изображеннымъ
 Въ твоемъ полезнѣйшемъ Журналѣ (*)
 Тебя въ примѣръ имъ спавишь буду

(*) Самая продолжительная и прекрасная пиеса въ С. П. бургскомъ Журналѣ 1798 года, который издавалъ Пнинъ, есть о воспитаніи. Мысли находящіяся въ ней большею частію почерпнуты изъ твореній славнаго Филанджіери. Надъ симъ сочиненіемъ шрудился одинъ почтенный другъ Пнина, но кажется и самъ Пнинъ шупъ участвоваль. С. П. бургскій Журналъ былъ первымъ опытомъ его упражненій въ Словесности, но къ чести Издашеля должно присовокупить что, что сей Журналъ есть изъ лучшихъ нашихъ ежемѣсячныхъ изданій и что вѣшъ въ немъ ни одной

И приведу на шо ихъ мѣсто,
 Гдѣ прахъ шеперь швой почиваетъ.
 Слезами мы его окропимъ
 И съ благодарностію будемъ
 Произносить швое мы имя
 Пока съ шобой не сѣдинимся. —

А. Измайловъ.

ночши піэсы, которая бы не служила къ пользѣ
 или къ наставленію читателей. Ахъ! для чего
 онъ не успѣлъ окончить свою славу *Народнымъ*
Вѣстникомъ, который не задолго предъ своею кон-
 чиною принялъ намѣреніе издавать.

Прим. соѣ.

*Письмо изъ Милана о Франціи, отъ
16 Ноября 1804 года.*

Въ Парижѣ провелъ я 8 мѣсяцовъ — тамъ видѣлъ я множество прекрасныхъ вещей, которыя Французы опияли у другихъ народовъ и пакъ ими *загромошили* сей городъ, что глазъ излишнимъ ихъ скопленіемъ въ одно мѣсто, больше развлекается и упомляется, нежели наслаждается и замѣчаетъ. Одинъ предметъ отводитъ вниманіе отъ другаго и не позволяетъ довольно имъ насладиться. — Всѣ общественныя заведенія для пользы наукъ, шеперь снабдены лучше прежняго: но занимающіе въ нихъ мѣста знаменитѣйшіе люди, *персозданныи* въ придворныхъ, больше заботятся о чиновныхъ должностяхъ и хорошемъ содержаніи, нежели о наукахъ. Подлое ласкательство доведенное до безстыдства, шеперь больше имъ нравится, нежели любовь къ истинѣ, и

благородная независимость мнѣній. Правительство приобрѣвъ первыхъ Якобинскихъ начальниковъ и ученыхъ людей, достигло до того, чѣмъ оно есть нынѣ. Всѣ хорошіе успановленія начинаютъ портишься, потому что ихъ принаравливаютъ къ новому порядку. Примѣръ сему съ сожалѣніемъ видѣлъ я на *Политехнической* школѣ, которая въ короткое время произвела весьма много славныхъ людей для многихъ соспояній, а теперь назначена для образованія офицеровъ. Правительство совершенно воинское въ самомъ существѣ, заботится только о томъ ремеслѣ, которое составило его благополучіе. Прочее все дѣлается для щеславія и наружности. Жители столицы неучтивы, пасмурны, подобны чловѣку упомянутому долговременными *судоргами*. Шайки лазутчиковъ, повсюду скрытно разсѣянныхъ, произвели въ народѣ почти всеобщую недовѣрчивость, и сдѣлали сообщество шруднымъ и непріятнымъ. Я былъ въ новоприобрѣтенныхъ областяхъ лежащихъ

надъ Рейномъ, попомъ обвѣхавъ начиная отъ Руана, прежнюю Нормандію, Пикардію, Фландрію Французскую, Нидерланды большую часть Голландіи и Липпихское Епископство, видѣлъ города заваленныя кучами камней изъ церквей, замковъ и лучшихъ зданій служившихъ украшеніемъ сей страны. Морскія гавани либо пуспы, либо съ разобранными купеческими кораблями, напрасно шамъ гніющими, либо предсавляющъ лѣнивую работу военныхъ судовъ. Нидерландскія церкви лишенные образовъ, рѣзбы и статуи, голыми стѣнами устрашаютъ посѣщителей. Сія страна едва не прекраснѣйшая въ Европѣ, по хорошимъ и каналами соединеннымъ городамъ, по многолюдству, по плодородію земли, промысламъ трудолюбивыхъ жителей — шеперь спонаетъ подъ чрезмѣрными подашми, подъ тягостію наборной росписи (конскрипціи) подъ разрушеніемъ морской и подъ обремененіемъ пошлинами сухопутной торговли, сближающими многочисленныя фабрики

къ раззоренію. — Правительство, кажется, вездѣ ищетъ только денегъ и людей, не имѣя попеченія о истинной пользѣ сей страны и своей собственн. — Я приведу здѣсь одинъ примѣръ. Въ Нидерландскихъ городахъ есть много сахарныхъ заводовъ, но сахару немогутъ продавать за границу, не въ соспояніи будучи удержаться въ совмѣстности съ Голландцами, ибо пошлина, наложенная на сырой сахаръ привозимый изъ Америки, въ 40 разъ больше во Франціи нежели въ Голландіи. За 25 лѣтъ предъ симъ (*) я видѣлъ Голландію въ цвѣтущемъ соспояніи; шеперь я нашелъ ее въ печальномъ и достойномъ сожалѣніи. Сухопутной торгѣ чрезъ рѣку Рейнъ, и пайной торгѣ подъ неутральнымъ знакомъ копя не очень пространнѣй на морѣ, бережливая жизнь многихъ зажишоч-

(*) Пишущій письмо посланъ былъ Польскимъ Правительствомъ путешествовать въ чужихъ краяхъ по ученой части.

/ыхъ, имѣющихъ большіе капиталы, удерживающъ его на нѣкоторое время отъ совершеннаго упадка, но припомъ служитъ пищею грабительству и сребролюбію нынѣшнихъ своихъ покровителей и союзниковъ. Нѣсколько почопнѣйшихъ домовъ, старающихся о чиновныхъ должностяхъ и о утверженіи олигархіи въ своемъ родѣ, сдѣлали за нѣсколько лѣтъ для Французовъ удобнѣе перемѣну въ системѣ управленія сообразной съ чужою волею и корыстью, съ нарушеніемъ всѣхъ правъ и приличности, къ истинному несчастію страны. Если нынѣшняя война продолжится, то остальные капиталы перейдутъ въ Америку и Англію, изсякнувъ источники существованія сего края, который будучи чудеснымъ произведеніемъ шрудолубія и промышленности, до сего времени удивляетъ и привлекаетъ путешественниковъ. Чпожъ хорошаго произвела Французская революція? — Сдѣлавшись ужаснымъ соблазномъ въ человѣческихъ дѣяніяхъ, наполнивъ не-

щастіемъ всю Европу, поглотивъ шліко чужихъ сшранъ, приведя въ худшее состояніе и пріобрѣтенныхъ и природныхъ жшпелей, кончилась устанѠвленіемъ воинскаго правительсшва, надменнаго, и домогающагося начальсшво-вашь надъ всѣми, а чрезъ шо насадила для себя сѣмя вѣчнаго безпокойсшвія и смяшенія, оскорбя самолюбіе всѣхъ прочихъ державъ. — Возвратившись изъ Спа въ Парижъ, општуда опправился я въ Марсель, — послѣ поберегу Роны чрезъ Авиньонъ и Валенцію ѣдучи на Сѣверъ, поворошилъ къ Дофинской области: опшоль чрезъ Савойю пробирался по Алпійскимъ горамъ въ Піемонтъ, изъ коего прибылъ сюда. Переѣхавъ предѣлы Франціи я еще не переѣхалъ Французскихъ владѣній. На Западъ и Югъ, равно и на Сѣверъ Франціи ничего я не нашелъ ушѣшительнаго. Вездѣ шѣже жалобы на чрезмѣрныя подати, нѣскольکو крашѣ больше бывшихъ до революціи, на военную роспись, на лишеніе многихъ свободъ, коими пользовались при преж-

немъ царствованіи. Особливо же города теперь весьма угнѣшены, ибо кромѣ плашежей наложенныхъ на землю, дома, движимыя имѣнія, промыселъ и проч. принуждены они еще дорого заплатить за привозные вещи необходимыя для ихъ употребленія. Революція похищала всѣ имѣнія вклады для больницъ и богодѣлень, теперь правительство возвратило всѣ шакія заведенія сосраданія и благошворительности, хорошо ихъ устроило но для содержанія ихъ наложило подать на самыя употребительныя въ домашнемъ быту вещи, не желая содержать ихъ изъ обыкновенныхъ и общественныхъ доходовъ. Можно бы теперь сочинить довольно большой словарь податей подъ разными названіями здѣсь наложенныхъ; но жители вспомнивъ о насиліяхъ, разбояхъ и смятеніяхъ переплѣнныхъ во время революціи, согласились бы еще дороже покупать свое спокойствіе, лишь бы не возвращались прежніе ужасные времена. Такое всеобщее чувство ссоставило

все щастіе нынѣшняго правитель-
ства.

Соспояніе наукъ въ уѣздахъ
нашелъ я хуже и жалостнѣе преж-
няго. Можно сказать, что по сей ча-
сти внутренняго правленія все дѣлаеш-
ся только для Парижа, но мало и поч-
ти ничего для провинцій. Кромѣ лечеб-
ной школы въ Монпелье, сохранившей
прежнее свое положеніе, всѣ ученыя
общества, Академіи, Университеты по
главнѣйшимъ городамъ разрушены и
существуютъ только въ Парижскихъ
журналахъ и вѣдомостяхъ. Вмеѣсто
ихъ заведены Лицеи, *центральная*
училища и пр. все это не конечно, ху-
до снабдно, и ничего не значитъ до
сего времени. На всѣ сіи заведенія
вѣнъ особенной суммы и содержанія,
обыкновенные доходы издерживаетъ
война, великолѣпіе двора, и весьма
дорого спокующее управленіе состо-
ящее изъ множества подчиненныхъ
чиновниковъ, коихъ число правитель-
ство поспешенно умножаетъ, какъ соб-
ственныя его подпоры, въ разныхъ ви-

дахъ ему служащіе. Нидерланды и Пьемонтъ суть два драгоцѣнныя владѣнія, съ коими ничто неможеть сравниться въ прежней Франціи въ разсужденіи богатства, многочисленія, прекраснаго населенія страны, промысла, трудолюбія и добраго свойства жителей. Я видѣлъ Лангедокской каналъ, одно изъ прекраснѣйшихъ и опшважнѣйшихъ дѣлъ Лудвига XIV. Но если каналъ при Сень-Каншень соединяющій Сену съ Шельдою окончится, на коемъ производиться весьма поспѣшная работа, то сіе предпріятіе будетъ еще смѣлѣе и достойнѣе удивленія.

Съ Польскаго. В. А.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Октября 20 дня.

Ж У Р Н А Л Ъ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Ноябрь. 1805.

№ 11.

I.

Похвальная рѣчь собацкѣ ().*

„Герои были до Ашрида,
„Но древность скрыла ихъ отъ насъ,
„Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида,
„Безсмертный спихотворцевъ гласъ.

Горацъ. Кн. IV. Ода IX.

Не корысть и не честолюбіе побуждаютъ меня писать сіе похвальное

(*) Маркизъ Мемонъ (Maumont) весьма богатой и любезной человекъ, въ свободные часы занимался Словесностію. *Похвала собацкѣ* писана имъ была не для пуб-

слово — я плачу симъ дань дружбѣ, шакую, какою никогда не почпилъ бы ни величіе ни знапность. Я хочу хвалишь мою собачку.

Пусть щеславные и гордые люди извъявляютъ мнѣ презрѣніе. Есль-ли древніе, копорыхъ воображеніе увеличивало чувспвія, воздавали божескую чеспь каникуламъ, Египшян-кѣ Анубисѣ, безобразному Канопу, для чего же и мнѣ ушаивать чувспвія мои? для чего презирашь невинное пво-

лики — Авторѣ читалъ ее шолько въ кругу своихъ пріятелей. Во время мяшежа, Маркизъ Мемонѣ принужденѣ былъ оставишь Францію. Сія піэса за-спавляешъ жалѣшь о потерѣ прочихъ сочиненій сего любезнаго челоѣка. — Такъ говоритъ Издатель *Энциклопедическаго Магазина*, ошъ куда я перевелъ сію спашью. Увѣренѣ, что прекрасныя, новыя мысли и шонкія замѣчанія разсѣянныя въ сей бездѣлкѣ, займутъ пріятнымъ образомъ моихъ читателей. Они увидятъ, что среди забавныхъ и шонкихъ шутокъ, сочинишель умѣлъ предлагать великія истины.

реніе, которое раздѣляло со мною сомнительное благо бытія, которого жизнь была столь тѣсно сопряжена съ моею и когда я еще не увѣренъ была ли Діана въ цѣпи существъ ниже меня? Для чего мнѣ не хвалятъ ее, когда она украшалась тѣми добродѣтелями, которыми и человѣкъ могъ бы гордиться, когда она была совершенно чужда слабостей и пороковъ, столь часто унижающихъ человечество? Да и что мнѣ за дѣло въ какомъ тѣлѣ было то сердце, которое пылало ко мнѣ любовію?

Діана не гордилась своимъ происхожденіемъ, можетъ быть она происходила отъ тѣхъ древнихъ героевъ-собакъ, которыя заправили Эриманпова кабана, можетъ быть происходила она отъ той вѣрной собаки, которая у стараго Евмея узнала Улисса по возвращеніи его изъ Трои, или, естли мы не хопимъ перягаться въ баснословныхъ преданіяхъ, Діана можетъ быть была не чужая какой нибудь прекрасной постѣльной собачкѣ, которая сиживала на колѣнахъ Клео-

папры или надмѣнной Агрипины — можешъ бытъ предки ея были изъ числа тѣхъ храбрыхъ Испанскихъ собакъ, которыя, уловенныя хипросцію Коршеца, съ такимъ свирѣпствомъ перзали несчастныхъ Мексиканцовъ. Какъ бы то ни было, Діана ни мало не помышляла о своемъ происхожденіи, она не думала ни когда украшаться тѣмъ, что собственно ей не принадлежало; все ее достоинство заключалось въ ней самой.

Однакожъ врожденная склонность къ хорошему сообществу, доказывала, что Діана была не нискаго произхожденія; въ родѣ собакъ и чувствія ея подтверждали высокое ея происхожденіе. Она очень любила большія и хорошо убранныя комнаты и естѣли проходила чрезъ переднія, по развѣ по самой необходимости; она не презирала лакеевъ; но кажется что грубость ихъ ей не нравилась; это происходило болѣе отъ нѣжности, нежели отъ гордости. Будучи признательна за попеченія о ней и дружбу къмѣ бы они ни были ей оказываемы,

она всегда платила ласкою за ласки; но, пошчасъ бѣжала на свое мѣсто и только господина своего любила больше всѣхъ. Но что я говорю? привычка, или лучше сказать, предразсудокъ, вынудилъ меня сказать это слово; я не господинъ ея былъ — я былъ ея другъ! Сколько разъ я исполнялъ и предупреждалъ ея нужды и даже желанія! Крыло рябчика, кусокъ сахару изъ моихъ рукъ для нее были гораздо пріятнѣе; это былъ подарокъ отъ друга. Пусть гордецы улыбаются съ презрѣніемъ чиня это — я прощаю имъ; но что значатъ наши леншы, шляпы, палки, ипр? Не пѣли же игрушки людей?

Въ характерѣ Діаны я замѣтилъ только одну черту, которая обнаруживала тщеславіе ея: она любила носить маленькой ошейникъ съ погремушками, которой отличалъ ее отъ прочей собачей черни; но можетъ быть это для того, что тонкой слухъ ея находилъ въ звукѣ погремушекъ нѣкоторое пріятное согласіе звуковъ; можетъ быть чувствительность заспавляла ее любить ошей-

никъ, ибо онъ былъ залогомъ любви моей и весьма очевиднымъ доказательствомъ того, что я опасался ея лишиться.

Какъ бы то ни было; но щеславіе имѣшь жемчужное ожерелье, бриантовое кольцо, не ужели благоразуміе щеславія имѣшь ошейникъ? Срослось улипки, кристаллизація капли воды, могутъ ли возвыситься достоинства человека? Я нахожу во вкусѣ Діаны къ щегольству нѣчто тонкое или *сантиментальное*, которое я предпочитаю туалету любезныхъ дамъ.

Я не зналъ сердца кропчай и болѣе расположеннаго къ дружеству, какъ сердце Діаны. Безъ зависти, гнѣва и гордости, она раздѣляла ласки господина съ товарищемъ своимъ. Не смотря на то, что онъ часто дразнилъ ее и беспокоилъ, она брала участіе въ его забавахъ, но ничего у него не принимала; родясь философкою она наслаждалась съ удовольствіемъ; но уступала съ безкорыстіемъ предмѣты своихъ забавъ: она чувствовала, что спо-

койствіе всего дороже. Будучи споль невинна, она наслаждалась вѣчнымъ спокойствіемъ; была разва и незнала печали, веселость ея сопупница молодости, была основана на душевномъ спокойствіи совѣспи непорочной. Сама ли Діана образовала щасливой сей характеръ — я не знаю; но еспьли онъ былъ даръ Природы, будемъ сѣшовашь на общую мапшь нашу, что она не всѣмъ дала его.

Ученіе не опягощало ума Діаны — она никогда не чипала ни Цицеронова шпракшата о должностяхъ, ни разговоровъ Платона о правосудіи. Наука законовъ, которая иногда ничто иное еспь, какъ наука ихъ избывашь, была ей неизвѣстна и не нужна. Подобно Сократу она была справедлива, не зная какъ Платонъ опредѣляетъ несправедливость. Сердце ея было чувствительно и добро, это корень всѣхъ добродѣтелей — лучше сказашь единспвенная добрдѣшель. Повинуясь законамъ

домашней полиціи, чистота, любовь и вѣрность, были единственные пункты ея закона и она никогда ихъ не преступала.

Я не знаю что подало мысль людямъ гордиться своимъ превосходствомъ? Наши искусства болѣе недостаточны, нежели удовлетворяютъ нуждамъ; наши науки рождаютъ болѣе сомнѣній, нежели истинныхъ познаній; наши способности, приносящія болѣе зависти и злобы, нежели славы и счастья тѣмъ, кто ими одаренъ, и болѣе зла нежели пользы обществу, суть ли выгоды, достойные того, чтобы ими превозноситься съ такимъ тщеславіемъ? Премудрѣйшій изъ людей говорилъ, что онъ знаетъ одно только то, что онъ ничего не знаетъ. Діана была свѣдущѣе, ибо она знала, что полезно для нее, знала также что все то, что не приноситъ пользы, принадлежитъ къ суешному тщеславію. Не устанавливая родовъ и степеней, подобно Турнефорпу и Линнею, она опличала необходимо

нужное для ея существованія опѣ приходей — была воздержна въ пищѣ и лѣчилась сама безъ лѣкаря и фармакопей.

Если доказательство глубокомысленнаго Локка справедливо, что чувства суть врага души, отверстыя для всѣхъ познаній, я не удивляюсь, что Діана была ученѣе меня. Глаза ея были проницательнѣе, слухъ тонѣе, обоняніе чище, можетъ быть и вкусъ лучше — всѣ ея органы были совершеннѣе моихъ. Въ чемъ же состоятъ мое преимущество? Въ семъ ничтожномъ и сомнительномъ дарѣ слова, которой вредитъ ложью и даже истиною оскорбляетъ? Діана не имѣла нужды въ сей способности. Убѣдительное краснорѣчіе ее выражало все что она хотѣла сказать: Росцій не столь былъ искусенъ въ Пантоминѣ. Я понималъ всѣ ея слова, она не понимала всѣхъ моихъ — чей же языкъ былъ бѣднѣе?

Но оставимъ тщетныя изслѣдованія, которыя только пишаютъ щече-

славіе. Умъ ничего не значить; должно сердцу удивляться, хвалишь его въ существѣ рожденномъ для общества. Я бы никогда не могъ думать, чтобы твореніе столь робкое, и слабое, могло показати столько терпѣнія, неустрашимости и присудствія духа. Проломленная голова лишила ее жизни. Смертельная боль истощившая ее силы, не ослабила ее характера. Борясь восемь дней съ сильною лихорадкою, снося мучительную боль, она не показала ни скуки, ни досады, и переносила съ терпѣніемъ болѣзнь. Сохраня чувствительность, она до послѣдней минуты жизни своей показывала знаки своей нѣжности и благодарности. Въ самыхъ жестокихъ припадкахъ вставала она съ своей постели, чрезъ силу шатилась ко мнѣ и ласкалась около меня. Древніе думали, что въ минушу смерти душа получаетъ нѣкоторой родъ прорицанія и вдохновенія — Діана можетъ служить доказательствомъ сему. Въ послѣднее утро

жизни своей она хотѣла придти ко мнѣ въ комнату. Разсипаваясь со мною она пришла проспиться и сказать что умираетъ любя меня. Ослабѣвшія силы не позволили ей сего исполнить; она пропавилась при шага, упала; но чувствительность и усердіе возбудили природныя ея силы — она встала и пришла ко мнѣ. Я взялъ ее и посадилъ къ себѣ на колѣни, она положила голову на грудь мою, прижалась къ моему сердцу — взоры ея, уже смущенные призраками смерти, искали смяшенно моихъ взоровъ; никогда чувствія не были искреннѣе и внятнѣе. Когда болѣзнь усилилась и силы совершенно ослабѣли, Діана какъ будто не хотя, чтобы я былъ свидѣтелемъ плачевнаго зрѣлища, оставила меня, пошла и легла на свою подушку, также равнодушно, какъ Каланусъ на костеръ — это было послѣднее ея движеніе и она скоро умерла.

Діана жила непорочно и умерла спокойно, не соболѣзнуя о прошедшемъ,

не спрашась будущаго, она умерла какъ мудрецъ, исполня свой долгъ и всѣ добродѣтели ей свойственныя. Она жила мало — только одинъ годъ. Жальшь ли мнѣ о семъ или радоваться?

Естьли должно вѣрить воспочной философіи переданной Пиеагору Индѣйскими гимносоеисшами, естьли должно думать, что души при переселеніи своемъ очищаются и до шѣхъ поръ переходяшъ изъ шѣла въ шѣло, какъ наконецъ очиспясь совершенно, найдупся достойными бытъ причислены къ сословію духовъ; конечно Діана имѣя самую невинную душу, должна была пройти сей трудной путь. Годъ жизни пресѣченной кратковременнымъ недугомъ, досташоченъ былъ для сего. Душа ея была лучше нашихъ, которыя не споль непорочны, чтобы могли ийти прямо въ небо.

Просшыя и непышныя похороны была послѣдняя дань дружбы —

профей и гербы не украшали оныхъ; но за то жадные наслѣдники и честолюбивые преемники, не оскорбляли праха ея неприличною радостію, или припворными слезами. Одна сердечная слеза канула на ея прахъ и эта слеза была искренняя. Маленькой Азоръ слѣдовалъ за прахомъ подруги своей; удивясь и опспуя съ ужасомъ, когда зарыли ее въ землю, онъ подобно первому человѣку въ первой разъ увидѣлъ зрѣлище смерти. Бѣдное живошное! ты не знаешь величайшаго блага, не знаешь того, что природа можешъ быть по благодѣшельной бережливости своей, опверзла намъ одинъ путь къ жизни и множесшво путей къ смерти.

Гименей не возжигалъ своего пламенника для Діаны — она не знала утѣхъ любви — и ешъли дѣвспвенность ешъ добродѣшель, то она была шѣмъ еще невиннѣе.

Уединенный садъ, дерновой памятникъ сокрыли смиренной прахъ Діаны. Герои древности не болѣе имѣли и сіи едва примѣшныя могилы означавшія мѣсша

гдѣ лежалъ прахъ Ахилла и Діомеда скоро изгладилась съ лица земли. Тѣ, кои мнили убезсмертить свое ничтожество и опягчили землю огромными кучами, которые дали городамъ имена свои, что симъ выиграли? знаемъ ли мы, кто соорудилъ Египетскія пирамиды? гдѣ грады Птоломеяда и Кесарей? вопще изрыли они мраморы изъ среды земли, вопще лили медь и бронзу и начертали на оныхъ пышныя шипла ихъ гордости; они не могли избѣгнутьъ закона ничтожества и даже изгладилась изъ списковъ смерти. Придетъ время когда стѣна окружающая сей садъ развалился и сей городъ даже исчезнетъ, плугъ изроетъ глубокія бразды въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышаются великолѣпныя дворцы, зданія и народныя монументы; все что принадлежишь смертнымъ подвержено разрушенію также какъ и они сами. Тиръ и Сидонъ исчезли, Карфагенъ палъ и земля пожираетъ также трупы градовъ украшавшихъ нѣкогда ея поверхность!

Теперь осталось одно имя Дианы; но что же осталось после славы Александра? Сожжение Персеполя, убийство Клиста, несправедливая казнь Филопаса, вопль плачевных награды славных бивъ при Арбеллахъ, Иссъ и Граникъ! что значатъ сіи дѣянiя столь превозносимыя несмысленною толпою, которая болѣе удивляется горѣ извергающей пламя и гибельному воздушному явленiю, нежели единообразному и благопворному сіянiю Солнца? что значатъ сіи побѣды? великія злодѣянiя, которые были содѣяны при первомъ покушенiи, въ коихъ испуленіе ума возмущаетъ народныя предразсудки и спраши и производитъ съ миліонами людей въ дѣйство злодѣянiя, которые бы не удивили, но ужаснули, естлибы содѣяны были однимъ человекомъ! Не лучше ли бы было для столькихъ народовъ, кои Александръ разорилъ, не лучше ли бы было для него самага, естлибы онъ имѣлъ крошкой нравъ моей Дианы и естлибы народамъ имъ угнѣбленнымъ, далъ насладиться, естлибы самъ

насладился въ мірѣ и тишинѣ, сею крапковременною жизнію намъ дарованною?

Діана жила и умерла спокойно — она не нанесла никому никакого огорченія и сама не перпѣла ихъ.

О Діана! естли должно вѣришь ученію плачевной философіи, которая приписываетъ случайному соединенію матеріи и движенія, всѣ дѣйствія природы, твои органическія частицы послужашъ шеперь къ составленію новыхъ плѣлъ. Повинуйся своенравію слѣпой природы, которая шворитъ безпрестанно и разрушаетъ бренте созданное ею, ты преидеть въ прозябеніе растѣній. Цвѣты произрастутъ на могилахъ швоей, ты испаришся съ запахомъ гвоздикъ и розъ, разсѣяшь въ воздухъ частицы швои смѣшаются съ дыханіемъ животныхъ. О! пусть природа удалитъ тебя отъ жизни! лучше преврапиться въ камень или минераль, которые въ нечувствительности своей сознають менѣе всѣхъ цѣну бытія. Покойся въ ничтожествѣ — это общая и лучшая доля существъ, ибо природа любя насъ болѣе нежели мы думаемъ, буду-

дучи въ необходимости осудить насъ на жизнь, дала намъ споль кратковременную въ сихъ мириадахъ вѣковъ, кои составляютъ для нашего утраченного воображенія смѣшенное и не определенное понятіе о вѣчности.

Спрашиси наипаче преищи въ тѣло челоуѣка — взявъ участіе въ нашихъ удовольствіяхъ, ты возмешь участіе и въ нашихъ порокахъ. Кто знаетъ въ какой пропорціи сдѣлается сія случайная смѣсь правилъ! можетъ быть умъ злой и ѣдкой сдѣлаетъ изъ тебя гнуснаго Зоила, мизантропа Тимона или изувѣра Эроспаша: можетъ быть горячее, пылкое сердце, сдѣлаетъ изъ тебя возмущителя Капилину, Нерона или Силлу; кто знаетъ къ трону или на лобное мѣсто увлекутъ тебя случаи и страсти! или какъ посредственность даже и въ порокахъ, есть доля по большей части общая смертныхъ, ты будешь пресмыкаться въ сей толпѣ, которая живетъ и умираетъ въ неизвѣстности, спрадая подвѣременемъ гнусныхъ страстей.

Если ты получишь искру Генія, то сколько труда тебѣ будетъ стоить для разсѣянiя предрасудковъ вкорененныхъ рожденiемъ и воспитанiемъ! сколько препонъ въ изысканiи истины! сколько препятствiй въ дѣланiи добра! какъ подобные тебѣ чловѣки заснавятъ тебя дорого платить за свое преимущество — сколько разъ будешь ты просить природу сократить свои дни и избавить тебя отъ тяжкаго бремени жизни!

*Замѣсанія о нынѣшнемъ состояніи
Франціи.*

(Продолженіе).

Науки и просвѣщеніе.

Послѣ мяшежа во всей Франціи другое состояніе людей. Сколько нравы, сполько и народное просвѣщеніе перемѣнились, добродѣтельному и умному человѣку шакже шрудно было спаспись въ уѣздѣ, какъ и въ сполицѣ. Они погибли подѣ гильопиною; а поелику въ уѣздахъ было меньшее число ученыхъ, то шеперь очень шрудно ихъ шамъ найти. Вездѣ вспрѣчается пустословіе и желаніе показаться: но елибы кшо по сему заключалъ о французскомъ народѣ, весьма бы ошибся, ибо вообще въ уѣздахъ мало наукъ и учености. Училища многочислены и въ описаніяхъ кажутся хорошо устроенными: мало находится способныхъ училелей и для шого послѣдствіе несооп-

спвуеть началу. Однако правитель-ство прилагаеть попеченіе о воспитаніи юношества и употребляеть на то большое иждивеніе.

Столица дѣйствительно наполнена людьми преподающими науки всякаго рода. Доступъ къ нимъ свободенъ какъ своимъ, такъ и иностраннымъ, безъ всякаго различія пола, сословія и возраста. Я видалъ на физическихъ, химическихъ и другихъ лекціяхъ, исправно всякой разъ бывающихъ женщинъ, пятнадцатилѣтнихъ юношей и шестидесятилѣтнихъ стариковъ.

Въ прошедшемъ 1804 году Лудвигъ Бонапарте, братъ владѣющаго, непрерывно слушалъ курсъ физики Г. Шарля; въ нынѣшнемъ же году часто тамъ бывалъ Неаполитанскій посланникъ. Всѣ стараются, общею всѣхъ занимающихся науками болѣзнію — быть писателемъ. Отъ сего такое множество безпрестанно выходящихъ сочиненій. Одни другихъ списываютъ, и всякой мечтаетъ, что онъ написалъ нѣчто новое. Въ самомъ Парижѣ находишся 250

шипографій; коихъ до революціи было шамъ 39. Неограниченная вольность вредныхъ сочиненій не къ просвѣщенію, но къ удовлетворенію спрашямъ относящихся, были причиною умноженія до того числа шипографій. Книгопродавцовъ торгующихъ въ лавкахъ 500, кромѣ разносчиковъ, которые по всѣмъ улицамъ продають книжки. До революціи же книжныхъ лавокъ было 120. Другаго рода болѣзнь сошпонтъ въ шамъ, чшобъ бытъ изобрѣшателемъ, и похвалихся самому первымъ опкрытїемъ. Въ семъ заключаешся много хвастовства и часто случается бытъ обманушю объявленїемъ о новомъ опкрытїи, которое по испшпанїи оказываешся не дѣйствительнымъ. Сей модной путь къ мгновенной и ложной славі, ештъ причиною того, что не занимаясь усовершенїемъ извѣстныхъ вещей, которыя пребуотъ усовершенїя и здѣлались бы чрезъ шо полезными, всякъ ищеть имени изобрѣшателя, не смотря что такой даръ по природѣ и силѣ челошческого ума неможеть ча-

сто бывашь. Послѣ открытій въ физикѣ и химіи прославившагося Лавуазіера хопя находится много изданныхъ другими сочиненій, но нѣтъ ничего полезнѣе и занимательнѣе. Способъ Г. Шапшала и Бартоля ускоряетъ бѣленіе тонкихъ бумажныхъ полошенъ, но нельзя очень вѣрить Парижскимъ повѣстямъ, чтобъ это было здѣлашь можно въ нѣсколько дней. По моему опыту бумажную пряжу можно хорошо выбѣлить въ 15 дней а бумажную же матерію въ 20 дней и въ мѣсяцъ или болѣе. Но бѣленіе полотна пеньковаго и льнянаго пребуетъ 6 и 8. недѣль. У насъ произведеніе неможетъ наградить нужныхъ на по издержекъ. — Наибольшее прилѣжаніе замѣчается къ физическимъ и химическимъ наукамъ.

Засѣданія разныхъ отдѣленій Института способствуютъ къ усовершенствованію наукъ; но и во время оныхъ часто бездѣлицы и маловажныя предметы представляются великими, даже писателямъ удается получать не весьма заслуженные лавры. Хозяйственное

общество и учение сельскаго домоводства, механики, гидравлики, заключающ-ся только въ умозрѣнiи. Пишущъ о земледѣлiи даже тѣ, кои едва знаютъ деревню. Профессоръ механики не умѣлъ бы можетъ быть сложить воза, а гидравликъ поставитъ насосъ. Тотъ же кто захотѣлъ бы что нибудь сдѣлать по вырѣзаннымъ на мѣди чертежамъ насамомъ дѣлѣ нашелъ бы ихъ несоотвѣтственными своему желанiю. Машина Г. Монгольфiера называемая *белие*, столь славная, представляетъ только хорошую и увеселительную выдумку; но я, при всемъ моемъ старанiи, невидаль тѣхъ дѣйствiй ея, о коихъ онъ пишетъ. Нужно особенное для нее мѣстоположенiе, которое рѣдко можно найти. Иначе же машина сiя бесполезна, ибо приготовленной искусствомъ воды не надолго достанетъ, почему можно основательно сказать, что исправной водяной насосъ гораздо полезнѣе монгольфьероваго. Я согласенъ только съ тѣмъ, что упомянутая машина, будучи усовершенство-

вана можешъ приносишь зрителямъ бо-
лѣе увеселенія.

Съ Польскаго. В. Ан.

Краткое историческое обозрѣніе Художествъ ().*

Исторія представляеть намъ многіе примѣры, касательно изобрѣшенія искусства *рисованія*; но все, что сказано, хотя можетъ быть довольно основательно, впрочемъ столько невразумительно, что мы отъ того ни какой не имѣемъ пользы.

Нѣтъ возможности открытъ настоящій источникъ художествъ; а тѣмъ болѣе, что они конечно были изобрѣшены въ одно время въ разныхъ странахъ; подобное случилось съ *киностаганіемъ*, которое до открытія въ Европѣ, было уже извѣстно, какъ увѣряють, нѣсколько вѣковъ въ *Китаѣ*. Можно полагать, что *Египетъ*, *Греція*, *Италія* были колыбелью художествъ; или можетъ быть, что сіи искусства переходили изъ одной изъ сихъ странъ въ другую.

(*) Изъ сочиненій славнаго художника *Рафаэля Менгса*.

Кажешся, что во первыхъ было изобрѣшено искусство *рисованія*, попомъ *живописи* и *ваяніе*; или вѣрнѣе сказать, *ваяніе* слѣдовало за *рисованіемъ*, а попомъ *живописи*.

Первые опыты *рисованія* были однѣ только грубыя *намазки* (*ébaucher*) и едва схожіе съ вещественными видами; попомъ нашли *составъ* или искусство *лѣпить изъ глины*, (*la plastique*) и симъ изобрѣтеніемъ болѣе приблизились къ природѣ; попому что легче дать настоящій видъ той вещи, которую видишь совсѣхъ ея сторонѣ, нежели изображенію на плоской поверхности, которое пребуешь болѣе разсужденія и упражненія.

Можно бытъ увѣрену, что философія и всѣ науки, служащія украшеніемъ ума, были уже въ цвѣтущемъ состояніи до изобрѣшенія *ваянія* и *живописи*; попому что древніе, совсѣмъ не попой дорогѣ шли, покоторой мы идемъ; унихъ путеводителемъ былъ *разсудокъ*, а не обыкновенный *навокъ* или какая нибудь *прихоть*; и было правиломъ унихъ начинать съ частей самонужнѣйшихъ, какъ

напримѣръ съ *мошудъ* и тому подобныхъ, а потомъ уже приступать къ соразмѣрности всѣхъ частей.

Все это можно доказать во первыхъ: историческими предмѣтами ихъ произведеній, во вторыхъ: изображеніями ихъ боговъ и героев; слѣдственно они имѣли уже свѣденіе о многихъ вещахъ, и какъ кажется, философія имъ была весьма извѣстна; невѣроятно, чѣмъ художники, упражняющіеся въ *рисованіи*, не были руководствуемы разсудкомъ въ своихъ упражненіяхъ.

До царствованія *Александра Македонскаго* художества болѣе и болѣе усовершенствовались; но по смерти его, неимѣли они никакихъ успѣховъ, несмотря на то, что *живопись* и *ваяніе* весьма распространились. Можно сравнить этотъ блистательный вѣкъ художествъ съ вѣкомъ *Рафаэля* и *Михель-Анджело*, въ который мгновенно появились превосходнѣйшія произведенія, какіе только могутъ быть по возобновленіи художествъ. Въ послѣдствіи, хотя умѣли лучше обрабатывать нѣкоторыя части,

однакожъ немогли превзойти сихъ великихъ людей; надобно думать, что тоже происходило и въ древнія времена.

Отъ царствования *Филлипа Македонскаго* до упадка республикъ *Греціи*, художества, постоянно дѣлали новые успѣхи и по въ однѣхъ только маловажныхъ частяхъ; какъ напротивъ того, въ цвѣтущее время художествъ прилѣжали къ однимъ только необходимо нужнымъ частямъ.

Однакожъ и по справедливо, что по упадкѣ Греческихъ республикъ, были еще превосходные ваятели, которые въ нѣкоторыхъ частяхъ равнялись со славнѣйшими художниками *Греціи*. . . .

Напоследокъ, свободныя художества пересѣлились изъ *Греціи* въ *Римъ*; нельзя точно сказать, въ которое время они тамъ начали процвѣтать, потому что нѣтъ хорошихъ статуй съ Латинскою подписью именъ художниковъ; впрочемъ, можетъ быть древніе Римляне имѣли шуже спрасть, которую я мы имѣемъ, подписывать имена своя

на *угеномб* языкѣ. Съ другой стороны можеть бытъ художники Римскіе никогда искусство свое не доводили до шакого совершенства, чптобы могли заслужишь какое нибудь уваженіе.

Есть много спашуй, копорые считаються произведеніемъ Римскихъ художниковъ, или копорые, покрайней мѣрѣ, не принадлежатъ къ Греческому вкусу. Если положишь, чпто сіи спашуи были найдены въ *Греціи*, то не стоило бы труда ихъ переносить въ Римъ. И шакъ, по видимому, художества недалеко проспирались въ *Римѣ* до временъ Императора *Нерона*; въ царствованіе же его, появились славнѣйшія произведенія. Лучшія же произведенія временъ Императоровъ *Траяна* и *Адріана* были греческихъ художниковъ, пошому чпто въ оныхъ примѣчаютъ Греческій вкусъ. Можно положишь причину упадка художествъ большему числу художниковъ, и по сей причинѣ художества сдѣлались сполько обыкновенными, чпто переспали бытъ даже въ уваженіи. Наконецъ — во время величія Импе-

ріи Римской, когда уважали однихъ только военныхъ людей, художники, оставленные безъ всякаго вниманія, впали въ уныніе, оставили искусство, которое тогда почиталось *ремесломъ*, и которое, вскорѣ послѣ сего погрузилось въ совершенное забвеніе. Но какъ ничто не можетъ пребывать всегда на непремѣнной степени, то и художества, недѣлая никакихъ новыхъ успѣховъ, лишились послѣдняго своего положенія. Упадки царствъ, непрерывная война, перемѣна вѣрв и уничтоженіе кумировъ, были послѣднимъ ударомъ для художествъ, истребя все, что только оставалось изъ превосходныхъ произведеній древнихъ.

Наконецъ — впрочемъ Грекамъ мы одолжены возобновленіемъ живописи. Они, изъ страны своей, снова перенесли сіе искусство въ *Италію*; попомъ оно было усовершенствовано во *Флоренціи*, въ *Венеціи* и въ *Ломбардіи*, до временъ *Рафаэля*, *Корреджія* и *Тиціана*.

IV.

Примѣтанія о нѣкоторыхъ остаткахъ дикости въ образованныхъ народахъ. Изъ соч. Якова Мородена Сартъ.

Между любопытными и привлекательными наблюденіями въ лучшихъ описаніяхъ путешесствій, могущихъ относиться къ испоріи со стороны физической, разсудительный читатель долженъ съ удивленіемъ замѣчать всѣ великія разности въ образованіи, смѣсь просвѣщенія съ дикостію и все сіе подѣбною географическою широкою, въ той же странѣ, а часто въ той же самой области. Заросшія негодною травою и запущеныя поля, простирающіяся до воротъ одного изъ прекрасныхъ французскихъ городовъ (Нанпа). Взвизывая на такую противоположность, надобно согласиться съ Артуромъ Юнгомъ, что достатки французскихъ городовъ не имѣютъ никакой связи съ участью деревенскихъ жителей. Многіе города сей же области представляющъ еще болѣе

удивительную разность, а жилили не-
много чемъ отъ Бретанскаго
мужика, или отъ Туроновъ и Гоппен-
шоповъ, еспьли судить о нихъ состо-
роны просвѣщенія и обычаевъ. Вообще
почти во всѣхъ деревняхъ послѣдніе
классы состоятъ изъ полуобразованнаго
народа, сохраняющаго почти всѣ обы-
чаи свойственные первымъ временамъ
общества. Обычай по копорому мужья,
послѣ родовъ жены, ложатся въ по-
спѣль и вмѣсто ея принимающъ отъ
гостей посѣщенія; грохопанье- ночью
въ горшки, чашки и сковороды предъ
домомъ старухи выходящей за мужъ,
страхъ отъ мертвецовъ, оборотней,
обращеніе къ сверхъ естественнымъ
властямъ въ важнѣйшихъ обстоятель-
ствахъ жизни, слѣпая довѣренность къ
очарованію, обманамъ, сглазамъ, на-
конецъ древнѣйшія заблужденія, предъ-
разсудки и всѣ слѣды первобытной ди-
коспи, или покрайней мѣрѣ того раз-
свѣта просвѣщенія, копорой замани-
ваешъ любопытныхъ путешественни-

ковъ въ опдаленнѣйшія Американскія пущыни.

Что только принадлежитъ къ ежедневной жизни, показываетъ даже способомъ примѣры сихъ великихъ разностей, въ степеняхъ просвѣщенія одного народа. — А потому во всѣхъ почти слободахъ, и самой богатой, крестьянинъ, не умѣетъ ни одѣться, ни питаться, не пользоваться даже совершенно воздухомъ и свѣтомъ. Жилище его, хотя по видѣ шалашей, въ коихъ живутъ Гошеншоны, но почти столько же невыгодно, какъ закоптѣвшіе бунки Лапонцевъ и Самоѣдовъ.

Часто люди живутъ вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ, избы ихъ безъ оконъ освѣщаются только дверями, какъ-то въ обласяхъ Поату и Брепанъ во многихъ мѣстахъ водятся. Искусство сельскаго строенія тамъ столь мало извѣстно, что надобно удивляться, какъ они спасаются отъ заразительныхъ болѣзней.

Въ самыхъ городахъ польза образованія изливается только на первое со-

спояніе жишелей, а рѣдко и очень поздно достигается послѣдняго. Находятся даже и въ Парижѣ люди опвергающіе прививаніе коровой оспы, громовые опводы и Румфордovy супы. Во многихъ бѣдныхъ домахъ мапери никогда неслышавшія о сочиненіяхъ Руссо, невзирая на просвѣщеніе и философію 19 вѣка, не перестаютъ мучить и задушать дѣшей крѣпкимъ пеленаніемъ. И шакъ можно положительно заключить, что лучъ просвѣщенія поздно достигаетъ до всѣхъ состояній народа, что онъ долговременно сохраняетъ многіе слѣды древней дикости, и что опъ щасливѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ, опстоитъ нѣсколькими вѣками образованности. Однако сія разность примѣтнѣе въ опдаленныхъ областяхъ. При семъ случаѣ можно бы упомянуть о многихъ спранахъ посреди даже просвѣщеннѣйшихъ Европейскихъ народовъ, коихъ общества находятся еще въ своемъ младенчествѣ, кошорые сохраняя весьма давніе обычаи могутъ почищаться живыми образцами

и памятниками остатковъ древней исторіи. Жители нижней Бретаніи ни въ чемъ не переѣнились въ печеніи многихъ вѣковъ, и до сихъ временъ сохранили еще языкъ и обычаи малаго селенія перешедшаго изъ Карнуальскаго княжества на французскія берега. По причинѣ сихъ древнихъ обычаевъ и языка, живущъ особенно и отдѣлены отъ всѣхъ прочихъ обществъ. Такой крестьянинъ привезенъ будучи въ городъ, на прим. въ Парижъ, обратился бы на себя такоеже удивленіе, какъ Гуронъ или Ирокеецъ (*)

Въ окрестности Гампа (на вершинѣ Вожскихъ горъ, среди лѣсовъ, найдено

(*) Подобное сему дѣйствительно случилось. — Бродяги, ищущіе корысти, увезли изъ Нижней Бретаніи крестьянскаго мальчика и показывали его въ Парижъ за деньги какъ дикаря. Они обходились съ нимъ мучительски, морили голодомъ, чтобы онъ съ большою жадностію ѣлъ при зрителяхъ сырое мясо. Офицеры изъ нижней Бретаніи узнавъ сего несчастнаго ихъ соотича, освободили его, а правительство наказало обманщиковъ.

малое общество испинныхъ Гауловъ, людей очень великорослыхъ, которые жили совершенно особенно и даже не слышали о французской революціи.

Въ описаніи Десеврскаго Департамента *Г. Дюпена*, *сшашьи обоган*, *супружество* и *врагдебное искусство*, можно почестъ ошдѣленіями описанія какого нибудь очень далекаго пупешествія, къ шакимъ народамъ, копорые едва находились въ самомъ началѣ образования.

Креспьяне Десеврскаго депаршамента, говоритъ сей сочинитель, призывають лѣкаря только въ самыхъ опчаяныхъ случаяхъ. Они больше вѣряють колдунамъ, и почиая всякую болѣзнь очарованіемъ, скорѣе прибѣгають къ нимъ.

Въ случаѣ сильной боли отъ ушибу, призывають ворожею, копорый взявъ большей топоръ бьетъ онымъ въ землю между ногъ больнаго, и чрезъ то будпо бы убиваетъ невидимаго коша, кошораго почиаютъ причиною боли, креспьяне имѣють шакже предрасудки и въ болѣзняхъ своего скопа.

Женидѣбы обыкновенно происходятъ осенью. Свадебные обряды довольно странны. Сговоренная идетъ посреди-нѣ приглашенныхъ гостей, и получаетъ отъ всякаго поцѣлуй и нѣсколько денегъ. Послѣ завтрака всѣ идутъ въ церковь. Однако предъ выходомъ, или дорогою невеста должна, по обыкнове-нiю, плакать. По окончанiи обряда мо-лодые подружки прикалываютъ ей пучекъ цвѣтовъ припѣвая пѣсню, которая не перемѣнилась чрезъ 300 лѣтъ, и извѣ-сняетъ всѣ хлопоты ожидающiе нест-спу, когда она выдетъ замужъ. Остатокъ дня, часть ночи и слѣдующiй день, про-ходятъ въ странныхъ обрядахъ, кото-рые очень удивили бы насъ, когда бы мы нашли ихъ у дикихъ народовъ.

По описанiю Бридома, духовные об-ряды въ гористыхъ мѣстахъ Сицили, весьма древнiе и совершенно дикiе, а особливо касающiеся до брака. Послѣ вѣнца двое изъ гостей кладутъ въ ротъ новобрачнымъ двѣ медовые каврижки и бросаютъ на нихъ по горсти ржи, извѣ-сняя чрезъ шо прiятность супруже-

скаго союза, и плодородіе вступающихъ въ оный. Новобрачные не могутъ касаться къ постановленному кушанью на свадебной пирушкѣ, а при концѣ спола ближайшій родственникъ невѣсты подаетъ жениху кость говоря: „грызи эту кость, ты взялъ „щеперь шакую, которую пруднѣ щепь „бѣ разгрысть..“ Никто не женился въ Маѣ мѣсяцѣ, опасаясь бытъ чрезъ то несчастнымъ.

У Англичанъ хвастающихъ съ гордостію своимъ просвѣщеніемъ, находясь шакже дикіе обычаи, на прим. въ Графствѣ Кардиганъ молодой крестьянинъ, желающій женишься, сперва ложится въ постель для извѣсненія невѣстѣ своего намѣренія... Тамъ двоякой бываетъ бракъ, большой и малой. послѣдній значить испытаніе. Если онъ неудачливъ, невѣста возвращается къ родителямъ и почитается опять дѣвкою...

На маломъ полуостровѣ Порпландѣ молодые дѣвушки не прежде выходятъ замужъ, пока не сдѣлаются беременными.

Сего обычая неиспребила даже Христіанская вѣра. Если связь любовниковъ оспаешся нѣсколько времени безплодною; то родители ихъ не считаютъ *суженоми* — дѣвушка оспаешся при своей чести, принимаетъ другихъ жениховъ и сдѣлавшись матерью, выходитъ дѣйствительно замужъ.

Во многихъ мѣстахъ Ирландіи, Шотландіи, а особливо на Гебридскихъ островахъ, жители сохраняющъ въ обычаяхъ свои странности.

Малый Каншонъ *Сатерландъ*, описанный Ренингъ-Гаузенскимъ священникомъ Тохе, лежащій между двумя рѣчками Огомъ и Маркою, почти всѣми забытый, здѣлался обитаемъ съ 9 столѣтія убѣжавшими изъ Фрисландіи, во время мучительнаго обращенія въ Христіанскую вѣру при Пепинѣ и Карлѣ великомъ. Жители раздѣлены на 6 селеній состоящихъ изъ прехъ приходовъ, принадлежащихъ къ Минстерскому Епископству. Языкъ ихъ древній Фрисландскій. Они считаютъ время ночью. Терпимость вѣрѣ и госте-

пріимство весьма уважають, женщины у нихъ мало имбюють вольности. Бѣдныхъ питають общество . . . Женятся только между собою, не иначе какъ достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, отъ чего конечно они очень пригожи Изъ числа многихъ весьма древнихъ своихъ пѣсень, любящъ одну шакого содержания:

Прекрасная молодая Амра выѣзжаетъ съ отцомъ до Эмдена; шамъ видящъ капитана корабля, въ кошораго сильно влюбляется. Переодѣвшись по мапроски пускается съ нимъ въ море. Саперландцы раздѣляютъ горестъ отца — сокрытая любовница дѣлаетъ семь путешествій въ Индію, всегда горя нещасною любовію. Наконецъ спасаетъ жизнь своего любезнаго, который погда узнавъ ее, награждаетъ ее любовь

Желательно, чтобы ученые болѣе опыскивали замѣчаній о образованіи народовъ.

*Благородной поступокъ.**Письмо къ Издателю.*

Г. Издатель!

Вы помѣщаете въ Журналъ вашемъ дѣянiя соотчичей достойныя бытъ преданными незабвенной памяти. Прошу васъ помѣстить въ Журналъ вашемъ о человекѣ достойномъ по рѣдкимъ качествамъ своимъ всякаго уваженiя. Благодѣянiе есть та священная добродѣтель, которая наиболѣе украшаетъ человека. Чувствительному сердцу конечно будетъ прiятно видѣть сколь много достойныхъ сыновъ имѣетъ любезное Опечество наше.

Московскiй именитый гражданинъ Василiй Яковлевичъ Жигаревъ былъ примѣромъ рѣдкой добродѣтели. Несчастные прибѣгали къ нему какъ къ общему отцу своему и почтенный старикъ первѣйшимъ удовольствiемъ поставлялъ опираться ихъ слезы. Угнѣтенныя судьбою шли къ нему съ горестiю въ сердца и возвращались съ

пѣмъ душевнымъ спокойствіемъ, которое въ разперзанномъ скорбію сердцѣ водворяетъ благодѣяніе.

Добродѣтель не можетъ долго оставаться въ неизвѣстности отъ людей ее ищущихъ и уважающихъ. Во время послѣдняго путешествія въ полуденную Россію блаженной памяти Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ Великой, Графъ Безбородко узнавъ о добродѣтельномъ Жигаревѣ, хотѣлъ испросить ему дворянское достоинство, на которое онъ по добродѣтели своей имѣлъ полное право. Жигаревъ отвѣчалъ ему съ благородною гордостью: *Я чувствую что я буду худомъ дворяниномъ; теперь я хорошій купецъ и сего состоянія непромѣняю ни на какія блестящія титулы. —* Сей почтенный человекъ, къ общему сожалѣнію, скончался въ прошедшемъ году. Любовь народа есть непреложный знакъ личныхъ достоинствъ. Слезы облагодѣтельствованныхъ Жигаревымъ, спеченіе народа провожавшаго

гробъ его, доказали сколь велики были
его добродѣтели и сколь умѣюшъ цѣ-
нить ихъ Россіяне.

И. И.

Соловей и Кукушка.

Басня изъ Геллерта.

Въ лѣсу вечернею зарёю
 Когда ужъ солнышко сокрылось за горою,
 И первѣйшій изъ пѣвцовъ пернатыхъ соловей
 Свисшалъ, щелкалъ, дробилъ всей силою
 своей.
 Ребята близъ его шумъ бѣгали, играли;
 Но пѣснямъ соловья ни сколько невнимали.
 Какъ вдругъ послышалось куку!
 Ребята глядь, сидишь кукушка на суку (*)
 Тошчасъ они остановились,
 Тошчасъ у всѣхъ рты распворились
 И ну кукушку выхваляшь.
 Иные начали и сами куковать.

Рифмы сн куку и суку не мои, а украдены мною.

Непомню какая то есть басня, эша ли самая,
 или другая, кошорая начинается сими стихами:

Кукушка на суку

Кричишь : куку, куку.

Исповѣдую предовсѣми грѣхъ мой и совѣшную дѣ-
 лать столь же чистосердечное признаніе шѣмъ,
 кошорые крадушь нешолько чужія рифмы, но и
 выраженія, мысли, казенной интересъ и проч.
 и проч.

Кукушка же моя пошуда куковала

Покудова усшала.

Попомъ какъ духъ перевела,

Видъ важной на себя взяла.

И соловью съ насмѣшкою сказала:

„Довольноль вамъ, сударь, шеперь я доказала,

Что въ пѣннн могу успѣхъ большой имѣшь.

А вы сего дня знашь не въ духъ были
пѣшь? . . . „

Вопросъ сей соловей оставилъ безъ отвѣща.

Давно ужъ онъ молчалъ, какъ будто отъ
спыда.

Кукушка съ радости глядя шуда, сюда,

Увидѣла въ лѣсу съ Филисою Дамеша,

Которые шли къ нимъ схвачясь рука съ
рукой.

Какъ при оказіи шакой

Не куковашь опяшь? — Однако кукованье

Осталось на сей разъ безъ всякаго вниманья

И череда пришла кукушкѣ замолчашь. —

Тутъ вздумалъ соловей начашь.

Онъ началъ — и лишь гласъ его въ кустахъ
раздался

Дамешъ какъ вкопаной остался.

Филиса на праву присѣла близъ его

И оба слушала въ молчаньи до того,

Что слезы на глазахъ пасшущи появились. —
 Когда уже Дамешъ съ Филисой удалились
 Въ восторгѣ будучи отъ прѣсней соловья ,

Знай, милая моя ,

Сказалъ кукушкѣ онъ, что самый верхъ
 искусна

Бываетъ лишь тогда когда пѣвнющѣ чув-
 ства.

Рукоплесканія полны и шумъ пустой

Ничто передъ слезой одной.

А. Измайловъ.

VII.

Эпиграмма.

Совѣтъ Ликастѣ даешь

Безъ жалости все зжечь мое стихошворенье
 Пущь шакъ! — Егожъ, друзья, невинное
 шворенье,
 Своею смерщю умреть.

* * *

VIII.

Импromptu

*Старой дамѣ, которая просила поддержать
 ся опахало.*

О Зевсѣ! создавый насъ

Въ сердитой часъ!

Скажи, за чѣмъ Руфиллѣ за шрусость Гене-
 раломъ,

За чѣмъ въ Журналахъ славенъ Крассъ,

А я — лишь съ опахаломъ?

* * *

Извѣстіе о Россійскихъ книгахъ.

Г. Осполоповъ, которой извѣстенъ публикѣ по сочиненіямъ своимъ и особенно чашателямъ сего Журнала по стихамъ сдѣсь помѣщеннымъ, намѣренъ съ будущаго 1806 года издавать Журналъ подъ названіемъ: *Любитель Словесности.*

Въ Журналѣ семъ будутъ помѣщаться новѣйшія произведенія Россійской музы, пакже спашьи полишическія, нравственныя и крипическія, сужденія о вновь выходящихъ книгахъ, о театральныхъ піесахъ, игрѣ актѣровъ и пр. словомъ все шо, что можетъ занимать просвѣщенныхъ любителей Опечествленной Словесности.

Таланшы Издашеля и вкусъ его въ выборѣ спашей для его Журнала, могутъ бытъ вѣрнымъ поручительствомъ за доброту сего изданія. Издашель приглашаетъ всѣхъ упражняющихся въ Словесности украшашь сочиненіями своими его Журналъ.

Подписная цѣна здѣсь въ С. П. б.
10 р. съ пересылкою въ другіе города
12 р. подписка принимается въ книж-
ныхъ лавкахъ Свѣшникова и Глазунова.

Июля 7 дня.

Ж У Р Н А Л Ъ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Декабрь. 1805.

№ 12.

I.

Письмо къ Издателю ()*.

Милостивой государь мой!

На сихъ дняхъ нечаянно попалась мнѣ въ руки старинная Манжурская рукопись. Между многими мѣлками въ ней сочиненіями, нашелъ я одно весьма любопытное по своей надписи: *Согинитель*

(*) Вотъ одно изъ послѣднихъ сочиненій любезнаго челоуѣка, кошораго смерть похишила рано и не дала ему оправдать на дѣлѣ шу любовь къ Отечеству, кошора я пылала въ его сердцѣ. Щасливъ пошъ, кто и за гробомъ можетъ быть любимъ!

и Цензоръ. Немедленно перевелъ оное и сообщаю вамъ, милоспивой государь мой, сей переводъ съ прозьбою помѣспить его въ вашемъ Журналѣ.

Согинитель и Цензоръ.

(переводъ съ Манжурскаго).

Согинитель.

Я имѣю, государь мой, сочиненіе, кошорое желаю напечатать.

Цензоръ.

Его должно напередъ разсмопрѣшь, а подѣ какимъ оно названіемъ?

Согинитель.

Испина, государь мой!

Цензоръ.

Испина? о! ее должно разсмопрѣшь и спрого разсмопрѣшь.

Согинитель.

Вы мнѣ кажешся излишній береше на себя шрудъ. Разсмапривать испину? Чпо эпо значипь? Я вамъ скажу, государь мой, чпо она не моя и чпо она сущеспвуешъ уже нѣсколько пы!

сячь лѣтъ. Божественный *Кунъ* (*) начерталъ оную въ премудрыхъ своихъ законахъ. Такъ говоритъ онъ: „Смершнныя! любите другъ друга, не обижайте другъ друга, не отнимайте ничего другъ у друга, прѣсвѣщайте другъ друга, храните справедливость другъ къ другу; ибо она есть основаніе общежитія, душа порядка и слѣдовательно необходима для вашего благополучія.“ Вотъ содержаніе моего сочиненія.

Цензоръ.

Не отнимайте ничего другъ у друга! будьте справедливы другъ къ другу! государь мой, сочиненіе ваше непременно разсмотрѣшь должно. (съ живостію) Покажите мнѣ его скорѣе.

Согинитель.

Вотъ оно.

Цензоръ.

(Развершывая шепрадъ и пробѣгая глазами листы).

(*) Конфуцій.

Да... ну... эшо еще можно.... и эшо позволишь можно.... но эпова... эпова... ни какъ пропустишь не лзя! (указывая на мѣста въ книгѣ).

Согинитель.

Для чѣго же, смѣю спросишь?

Цензоръ.

Для шого, чшо я не позволяю — и слѣдовательно эшо не позволишьельно.

Согинитель.

Да развѣ вы больше, г. Цензоръ, имѣете права непозволишь печатать мою *Истину*, нежеди я предлагаю оную?

Цензоръ.

Конечно, пошому чшо я ошвѣчаю за нее.

Согинитель.

Какъ? вы должны ошвѣчать за мою книгу? А я, развѣ самъ не могу ошвѣчать за мою *Истину*? Вы присвоиваете себѣ, государь мой, совсѣмъ не принадлежащее вамъ право. Вы не можете ошвѣчать ни за образъ мыслей моихъ,

ни за дѣла мои; я уже не дѣша и не имѣю нужды въ дядькѣ.

Цензоръ.

Но вы можете заблуждаться.

Согинитель.

А вы г. Цензоръ, не можете заблуждаться?

Цензоръ.

Нѣтъ, ибо я знаю что должно и чего не должно позволить.

Согинитель.

А намъ развѣ знать это запрещается? развѣ это какаянибудь шайна? Я очень хорошо знаю, что я дѣлаю.

Цензоръ.

Еслили вы согласитесь (показывая на книгу) выбросить сіи мѣста, то вы можете книгу вашу издашь въ свѣтъ.

Согинитель.

Вы отнимая душу у моей истины, лишая всѣхъ ея красотъ, хотите, чтобы я согласился въ угожденіе вамъ, обезобразить ее, сдѣлать ее нелѣпою?

Нѣтъ, г. Цензоръ, ваше требованіе безчеловѣчно; виноватъ ли я что испина моя вамъ не нравится, и что вы ее не понимаете?

Цензоръ.

Не всякая истина должна быть напечатана.

Согинитель.

Почему же? Познаніе истины ведетъ къ благополучію. Лишатъ человека сего познанія, значитъ препятствовать ему въ его благополучіи, значитъ лишатъ его способствъ сдѣлаться щасливымъ. Если можно не позволить одну истину, то должно уже не позволять никакой; ибо истины между собою составляютъ непрерывную цѣпь. Исключить изъ нихъ одну, значитъ отнять изъ цѣпи звѣно и ее разрушить. Припомъ же истинно-великой мужъ не опасается слушать истину, не пребуетъ чтобъ ему слѣпо вѣрили, но желаетъ чтобъ его понимали.

Цензоръ.

Я вамъ говорю, государь мой, что книга ваша безъ моего заведѣтеля

сповованія *есте* и *будетъ* нисто, попому чпо безъ онаго не можетъ она бытъ напечатана.

Сочинитель.

Г. Цензоръ! позвольте сказать вамъ, чпо *истина* моя споила мнѣ величайшихъ прудовъ; я не щадилъ для нее моего здоровья, ° просиживалъ для нее дни и ночи, словомъ, книга моя естъ моя собственность. А спѣснятъ собственность, какъ говоритъ премудрый *Кунъ*, никогда не должно, ибо чрезъ сіе нарушается справедливосъ и порядокъ. Впрочемъ вѣрнѣ засвидѣтельствованіе ваше можно назваъ ничего не значущимъ, ибо опытъ показываетъ, чпо оно ни сколько не обезпечиваетъ ни книги, ни сочинителя. Припомъ, Г. Цензоръ, вы извясняетесь слишкомъ непозволишельно.

Цензоръ. (гордо)

Я говорю съ вами какъ Цензоръ съ Сочинителемъ.

Сочинитель (съ благороднымъ чувствомъ).

А я говорю съ вами какъ гражда-
нинъ съ гражданиномъ.

Цензоръ.

Какая дерзость!

Согинитель.

О Кунъ! благодѣшпелный *Кунъ!*
Естьлибы ты слышалъ разговоръ сей,
если бы ты видѣлъ, какъ исполня-
ютъ свои законы; если бы ты ви-
дѣлъ какъ наблюдающъ справедливость;
если бы видѣлъ, какъ споспѣшеству-
ютъ тебѣ въ твоихъ божественныхъ
намѣреніяхъ, тогда бы . . . тогда бы
справедливой гнѣвъ твой Но
прощайте Г. Цензоръ, я такъ съ вами
заговорился, что потерялъ уже охоту
печатать свою книгу. Знайте одна-
кожъ, что Истина моя пребудетъ не-
измѣнно въ сердцѣ моемъ исполнен-
номъ любви къ человѣчеству и копо-
рое не имѣетъ нужды ни въ какихъ
свидѣтельстввахъ, кромѣ собственн^{ой}
моей совѣсти.

Плинуъ.

II.

П Ъ С Н Я.

Чшо мнѣ дѣлать въ шяжкой учасши моей?
 Гдѣ размыкашь горе горькое мое?
 Сердце, сердце! шы вѣщунѣ, губишель мой!
 Для чего не лзя не слушаешь намѣ себя?
 Какѣ охотникѣ приучаетѣ соколовѣ,
 Приучаешь шы шоску свою къ себѣ,
 Манишь горешь, безѣ шого родню швою,
 Приласкало грушь слезами шы къ себѣ.
 Вѣйше бурны, легкокрылы вѣшерки!
 Развѣвайше кудри черныя лѣсовѣ,
 Вѣйше вѣспочки сѣ далекой спороны,
 Развѣвайше мою смертную печаль.
 Вы скажите, жишь ли бѣдной мнѣ вѣ шоскѣ?
 Вы скажите, живѣ ли милой мой дружокѣ?
 Долго, долго ждепѣ любовь моя его.
 Вошѣ ужѣ при года какѣ слуху нѣшѣ о
 немѣ,
 Нѣшѣ ни грамошки, ни вѣспки никакой.
 Много время, чшобѣ сосшарѣшься любви,
 Много время позабышь и измѣнишь.
 Ахѣ! ужѣ ли шо солнце спало холоднѣй?
 Ахѣ! ужѣ ли шо кровь решнва не кипишь?
 Ахѣ! ужѣ ли швое сердечко милый другѣ,

Ничего тебѣ о мнѣ не говоришь.
 Вѣшерь дунулъ съ чужой дальнѣй споронѣ,
 Показалася зарница надъ горой,
 Улыбнулась красочка молодцу —
 И прощай мое все щасье и покой.
 Нѣшь, не вѣрю я причудамъ всѣмъ твоимъ.
 Милый другъ мой! твоя дѣвица въ поскѣ
 Тебѣ вѣришь больше, нежели себѣ.
 Знаешь злѣшнымъ намъ такой уже шаланѣ,
 Не дѣлалъ душой, дѣлалъ въ вѣкъ живьемъ.
 Знаешь зашѣмъ-шо въ зеленомъ саду у насъ
 Два цвѣточка одиночкою росли,
 Однимъ солнышкомъ и грѣлись и цвѣли,
 Одной радостью пишались на земли,
 Чшобы вѣшры ихъ далече разнесли,
 Чшобы въ разныхъ расадишь ихъ споронахъ,
 Чшобъ на разныхъ в другъ засохнуть имъ
 грядкахъ.
 У нихъ опняли послѣднюю радость ихъ,
 Чшобы вмѣстѣ горевать и умереть.
 Поздо, милый другъ! на родину придешь,
 Поздо, солнышко, на гробъ ты мой блеснешь:
 Я найду тебѣ другога жениха,
 Обвѣнчаюсь я съ смертью безъ тебѣ;
 Самъ ты не хочя меня сосваталъ съ ней.
 Приди, милый другъ, къ могилѣ ты моей,

Ты сорви цвѣтокъ лазоревый на ней,
 Онъ напомнишь, какъ цвѣла я при тебѣ;
 Ты опшудова поди въ шемны лѣса,
 Тамъ услышишь ты кукушку въ далеки,
 Куковала такъ злощасная въ шоки.
 Какъ подкошена правиночка въ луку,
 Вся изсохла я безъ милова дружка,
 Мѣсто всякое не мѣсто для меня,
 Всѣ веселья не веселья безъ тебя.
 Радабъ я бѣжать за придевять земель;
 Но возможно ли опъ сердца намъ уйти?
 Но возможно ли опъ горя убѣжать?
 Оно шочитъ сѣбѣ каменны на сквозь,
 Оно гонится за нами въ самый гробъ.
 Дѣвки просятъ, чтобъ не выла я при нихъ,
 Ты всѣ поршишь наши игры, говорятъ,
 На тебя глядя намъ тошно и самимъ.
 Ахъ! подруженьки, вы не жили совсемъ,
 Вы не знаете, и — дай Боже не знашь!
 Горя сладкаго, опаснаго любить.
 Ваше сердце не дѣлилося ни съ кѣмъ,
 Въ моемъ сердцѣ половины цѣлой нѣтъ,
 Въ моемъ миломъ я любила эшошь свѣтъ;
 Въ немъ одномъ я весела и хороша,
 Безъ него млада ни людямъ, ни себѣ.
 Ахъ! когда вы что узнаете о немъ,

Добры люди, не шайшесь опѣ меня ,
Ужѣ не бойшесь испугашь меня ни чемѣ,
Вы скажите правду испинну скорѣй.
Лучше знавѣ бѣду однажды умерешь,
Чемѣ не знавѣ ее, всечасно умирашь. (*)

(*) Благодарю Г. неизвѣснаго приславшаго
мнѣ сію пѣсню.

*Сатирическія Вѣдомости.**Подряды.*

Попребно для одной новобрачной чешы лучшей доброты *супружеской вѣрности и любви* до 10 пудѣ. Желающіе къ поставкѣ явисься и взяшь ниже просимой цѣны 1 р. 50 к. за пудѣ, благоволяшѣ явисься въ Разводной улицѣ, въ домѣ купца Драчунова, въ бель-эшажѣ.

Одному Саншименпальному писателю поребно для сочиняемаго имѣ новаго романа не малое количество *притворной чувствительности, ложнаго страданія, любовныхъ вздоховъ и страстныхъ восклицаній.* Желающіе вышеозначенныя матеріялы поставишь за сходную цѣну, а у него купишь *невѣжества, грубаго слога и незнанія грамматики,* благоволяшѣ дашь знашь о семѣ чрезѣ вѣдомости.

Продажа съ публичнаго торгу.

Сего декабря въ нѣкоемъ судѣ продаваться будетъ съ публичнаго торгу до 150 анкерковъ настоенной въ хлѣбномъ винѣ *судейской совѣсти*, весьма нужной для приказныхъ служителей. Желающіе явятся къ торгамъ симъ извѣщаются.

Пять балоновъ наполненныхъ *волностию, буйствомъ и равенствомъ* вышедшими изъ моды, будутъ продаваться съ публичнаго торгу въ бывшемъ зданіи Французскаго народнаго Конвента.

*

Продажа недвижимаго имѣнія.

Въ . . . губерніи продается деревня со всѣми угодьями, въ коей по послѣдней ревизіи соспойтъ мужеска пола 1370 душъ. Помѣщикъ оной, опсшавной приказной служитель, нажившій деревню сію экономіею отъ получаемаго имъ жалованья 350 р. — нуждаясь въ деньгахъ, уступаетъ желающему деревню свою за 180,000 рублей.

Отдага вѣ наслѣ, или на откупѣ.

Спарой судья, опрѣшенной опѣ долж-
ности за взяпки, не имѣя болѣе нужды
вѣ своей *искаженной совѣсти*, желаешѣ оп-
дашѣ оную вѣ наемѣ или на опкупѣ, ка-
кому нибудѣ честному спряпчему.

*

Желающіе вступить вѣ должность.

Fripou перюкмахерѣ, имѣя на спи-
нѣ апешпашы Французской полиціи, же-
лаешѣ опредѣлишѣя вѣ гувернѣры.
Желающіе онаго *Fripou* наняшѣ и дашѣ
просимую имѣ цѣну, ш. е: 3000 р. эки-
пажѣ и сполѣ, могутѣ найши его вѣ
колониі *des grands cocquins*, вѣ домѣ подѣ
No.....

*

Приглашеніе ко вступленію вѣ должность.

Для воспитанія одного благороднаго
юноши пошребенѣ гувернѣрѣ какого бы
ни былѣ поведенія, толькo чшобы былѣ
Французѣ, ибо (какѣ увѣряютѣ Пари-
жане) Рускіе не могутѣ образовашѣ
сердца юноши.

Найденная вещь.

Поперявшій *нелицепріятіє*, благоволишъ явисься для полученія онаго съ вѣрными доказательствами къ судѣ Взяшину, въ теченіи прехъ дней; ибо судья не рѣшается держашъ болѣе у себя шакую не нужную для него добродѣшель.

*

Потерянная вещь.

Нѣкоторой Спихопворецъ, идучи опѣ Сняго моста къ Вознесенскому, выронилъ нечаянно изъ кармана чепыре спиха изъ новосочиняемой имъ *сатиры на родъ геловѣтской*, нашедшаго проситъ доставить ихъ Швейцару на Парнасѣ, за что опѣ спихопворца дано будешъ въ награжденіе пять экземпляровъ оппечатанной *оды дурагеству*.

Саншиментальной пупешественикъ, бродя по улицамъ и собирая маперіялы для своего сочиненія, выронилъ нечаянно *двѣ слезы*, которыя были нужны ему для новаго его пупешествія; а какъ шеперь въ глазахъ его совершенная засуха, то онъ проситъ

поднявшаго сіи *двѣ сердечныя слезки* доставившъ въ его домъ состоящій въ *Юдоли плаги*. — Примѣтамижъ оныя слезы: цвѣшу синевапаго, вкусомъ горьки и положенныя на бумагу, возбуждающъ смѣхъ въ читателяхъ.

Частиця извѣстія.

Микстуриновъ лѣкарь, объявляетъ что онъ составляетъ горькія капли называемыя имъ *сладоств супружескаго союза*. Дѣвицы неперпѣливо желающія выпити за мужъ, для излѣченія сей болезни, могутъ принимать по 10 капель ежедневно.

Маджѣновъ признавъ себя верховнымъ судіею талантовъ, чрезъ сіе объявляетъ всѣмъ, кому о семъ свѣдать надлежитъ, чтобы никто изъ смертныхъ, прежде сужденія его, не смѣлъ думать о себѣ въ хорошую сторону и дабы никто невѣденіемъ не ошговаривался.

Одинъ молодой человекъ заразясь страстию къ авпорснву и оставя для онаго службу, подавалъ лестную надежду, что онъ будетъ самымъ бесполезнымъ членомъ общества. Всѣ средства предпріятыя опцомъ для излѣченія его, оказались бесполезными; но попавшаяся ему новая книга, причиня ему на 3й страницѣ сильную рвоту и головную боль, истребила въ немъ страсть къ авпорснву. Зараженные сею болезнью (которая почиталась доселѣ неизлѣчимою) могутъ употреблять сіе лѣкарство съ пользою.

Книжная извѣстія.

Сочиненія нѣкоего стихотворца въ 7 томахъ въ 4ю долю листа, содержація въ себѣ разнаго рода Поэмы, Сонаеты, Идилли, Эпиталамы, Эпитафіи, Кантаты, Эпиграммы, Саширы и пр. и пр. самой лучшей доброты, раздавались прежде даромъ; но какъ въ печеніи нѣсколькихъ лѣтъ не разошлось ни одного экземпляра, то сочинитель симъ

объявляетъ, что сочиненія его впредъ раздаваться будутъ желающимъ съ причею двухъ рублей.

Одинъ книгопродавецъ увидя, что сочиненій Филанджіери, Монпескю, Беккарія и пр. въ печеніи пяши лѣтъ разошлось не болѣе 10 экземпляровъ, напротивъ же того Фоблаза, Романовъ Гжи Радклифъ, бабушкиныхъ сказокъ и пр. сему подобнаго, до 10000 экземпляровъ, симъ объявляетъ: не угодно ли будетъ какому нибудь писателю взять на себя трудъ передѣлать Юстія, Монпескю и Беля во вкусъ Фоблаза, для лучшаго расхода сихъ сочиненій; или, шакъ какъ многіе любятъ все *вывороченное наизнанку*, то хотя выдашь *Духъ законовъ* вывороченный на изнанку. За трудъ сей книгопродавецъ предлагаетъ по 15 рублей съ листа.

Ахъ! и увы! новой романъ, напечатанной на слезливой бумагѣ, въ плачевномъ переплетѣ, продается плаксивымъ людямъ по 15 коп.

Прібывшіе.

Trotteur иностранецъ для собранія пошлины съ любопытныхъ збвакъ за Кишайскія пѣни.

Семнадцать иностранцевъ, высланныхъ за *добропорядочное поведеніе* изъ опечесшва, для присканія разныхъ должностей, какъ то: учительскихъ, камердинерскихъ и пр. и пр.

Ластецовъ пріѣхалъ изъ деревень своихъ для поклоненія знашнымъ особамъ.

Сутягинъ, богатой помѣщикъ, для хожденія по дѣлу о ушѣсненіяхъ сдѣланныхъ ему бѣднымъ однодворцомъ.

Марцисовъ и *Вѣтронъ* для пѣненія и уловленія въ сѣши любви невинныхъ сердець.

Глушонъ для разныхъ философическихъ и астрономическихъ наблюденій.

Отъѣзжающіе.

Ingrat, Французъ, жившій долгое время здѣсь, осыпанный благодареніями нашихъ гостепримныхъ соопечесшвен-

никовъ, отпѣзжаетъ въ чужіе края для напечатанія записокъ своихъ, въ которыхъ онъ пополнилъ всѣ недѣлности и грубыя лжи написанныя Шаншпро, Леклеркомъ, и Массономъ о Россіи.

Моталовъ, отпѣзжаетъ отсюда, потому, что здѣсь никто уже не вѣритъ ему болѣе ни копѣйки.

Алтенинъ, нажившій въ два года самымъ честнымъ образомъ около 100000 рублей, отпѣзжаетъ въ новопріобрѣтенныя свои деревни, дабы насладиться плодами своей честности.

*

Курсъ денегамъ.

У *Жидовъ*: на мѣсяць съ закладомъ по 20 проц.

На вексель по 28 —

На честное слово (завтра)

У *Аферщиковъ* вообще выдается за 1000 р. 200 р; сверхъ того на мѣсяць по 28 проц.

Наблюденія погоды.

- У спариковъ — *холодная и сырая.*
У молодыхъ людей — *вѣтреная.*
У женщинъ — *весьма непостоянная.*
У сочинителей — *засуха.*
-

IV.

Къ читателямъ сего Журнала.

Съ сею книжкою кончится Журналъ Россійской Словесности — обстоятельство лишающъ меня удовольствія продолжать оный на будущій годъ.

Съ чувствомъ живѣйшей признательности осмѣливаюсь изъяснить благодарность мою особамъ удостоившимъ подписаться на сіе изданіе. Мысль, что я трудами моими доставилъ имъ хотя нѣсколько пріятныхъ минушъ, останется на всегда въ душѣ моей и будетъ главнѣйшимъ моимъ утѣшеніемъ.

Приношу чувствительную мою благодарность особамъ присылавшимъ сочиненія свои для помѣщенія въ семъ Журналѣ. Я помѣстилъ нѣкоторые, *прочія*, по особымъ причинамъ, не могли быть напечатаны.

Благодарю также и самихъ недоброжелателей моихъ. Двѣ Эпиграммы присланныя ко мнѣ, заславили меня быль оспорожнѣе въ выборѣ спашей

для Журнала моего. Я увѣренъ, что недоброжелатели мои сами будутъ довольны когда узнаютъ, что желая сдѣлать мнѣ зло, они, самую колкостію своихъ насмѣшекъ, сдѣлали мнѣ добро.

Зная, что эпиграмму написать легче, нежели издашь Журналъ, будучи твердо увѣренъ, что и всѣ благомыслящіе люди одинакаго со мною мнѣнія, я не оскорбляясь ни мало помѣспилъ въ Журналъ моемъ эпиграммы на меня писанныя. *Искусство долженствуетъ судить долговременноя труда устами истины*, сказалъ сочинитель Разсужденія о слогѣ. Строгой критикъ разсматриваетъ сочиненіе и доказывая почему оно дурно или хорошо, приобретаетъ общую довѣренность и уваженіе; но когда какой нибудь невѣжда, по какимъ либо личнымъ неудовольствіямъ, напишетъ эпиграмму и послѣ неустыдился скажетъ, что онъ не заглянулъ даже въ ту книгу, которую осмѣиваетъ, тогда общее презрѣніе къ споль подлому ремеслу, бываетъ достойною наградою

такого кришика. Я въ началѣ Журнала моего сказалъ, что я буду благодаренъ естли кто сообщитъ мнѣ кришику хопя бы на самого меня писанную — я сказалъ, что шакая кришика послужитъ мнѣ урокомъ. Но что же я получилъ? Одинъ не читавъ Журнала и безъ всякихъ доказательствъ, которые видно запруднили бы нѣсколько столь великаго ума человѣка, говоритъ прямо, что Журналъ дуренъ, не потому что въ немъ не заключается ничего полезнаго; но потому только, что издаетъ его человѣкъ, котораго онъ не любитъ. Другой, неговоря уже ни слова о Журналѣ, бранитъ лично меня какъ бранится одна чернь и говоритъ, что я очень не пригожъ собою — какъ будто я Журналомъ моимъ хопѣлъ показать себя публикѣ Адонисомъ? Кому же приходило въ голову оуждать книгу не за то, что она не хороша; но за то, что сочинитель оной не пригожъ собою? Сапирикъ позабылъ, что книга столь же мало даетъ понятія читателю о красотѣ Сочини-

шеля, сколько онъ уважаетъ бѣднаго Риемопкача ругающаго съ голоду въ дурныхъ стихахъ всѣхъ людей безъ разбору. Стоятъ ли опвѣща такіе низкіе слова? — Конечно иногда упреки публики справедливы; но иногда бранятъ Издателя и за то, естли онъ не помѣститъ въ Журналъ какихъ нибудь дурныхъ стиховъ ему присланныхъ. Чѣмъ же отмстить за это? Разумѣется — написать эпиграмму! Огорчить человека; сдѣлать ему зло — весьма легко; но сдѣлать добро трудно. Отдашь письмо въ книжную лавку, наполнишь оное непростительными прошиву {благопристойности грубостями недостойными благовоспитаннаго человека, напишешь письмо на выворотъ, чтобы оскорбленный не узналъ почерка можетъ быть ему извѣстнаго — легко; но благородной человекъ такъ не поступаетъ.

Писатель, дурной или хорошій, есть человекъ общественный — онъ шрудится не для одного человека — сочиненія его принадлежатъ цѣлому

обществу. Одинъ человекъ не можетъ ни очернить, ни возвысить его славы. Общее мнѣніе рѣшилъ участь книги и славу Сочинителя. Г. Сумароковъ давно уже сказалъ, что :

Невѣжда похвалы достойной не умалишь,
А то не похвала, когда невѣжда хвалишь.

Благоразумный критикъ имѣя всѣ нужныя свѣденія, какихъ пребудетъ хорошее разсмотрѣніе книгъ, искусясь опытами, соединяя съ умомъ достаточное знаніе языка, разбираетъ, судитъ сочиненіе, показываетъ погрѣшности, недоспадки и красоты онаго и не произнося рѣшительнаго опредѣленія, столь труднаго въ семъ случаѣ, и книгу и разборъ оной предлагаетъ на рѣшеніе просвѣщенныхъ чинашелей. Сказать въ двухъ словахъ книга, дурна и не доказать ничѣмъ, есть сужденіе весьма не трудное, весьма дерзкое и всегда награждаемое общимъ презрѣніемъ. Въ заключеніе сего я приведу аполѳъ, не помню гдѣ я его читалъ: „Попугай вырвавшись изъ клѣт-

„ки, улешелъ въ лѣсѣ, гдѣ сѣвши на
 „дерево началъ крипиковать пѣніе чи-
 „жей, дроздовъ и соловьевъ. Птицы
 „ни мало не оскорбься, просили его про-
 „пѣшь самага, полагая что онъ очень
 „искусенъ въ помѣ, что охуждаетъ
 „въ другихъ. Тогда попугай почесавши
 „голову сказалъ: *Друзья мои! я свищу*
 „*только, а ить не умѣю.*„

Оспавляя столь трудную работу,
 какой пребуеетъ періодическое изданіе,
 я ласкаю себя по крайней мѣрѣ пою
 надеждою, что естли Журналъ мой и
 не заслужилъ общаго одобренія, то по
 крайней мѣрѣ намѣреніе мое, усилія
 мои не бытъ бесполезнымъ членомъ
 общества и точность съ каковою я
 выполнялъ мою обязанность, увѣряютъ
 меня, что труды мои не были бесполезны.

Можетъ бытъ иныя скажутъ, что
 я напрасно предпринялъ трудъ не со-
 отвѣтствующій моимъ способностямъ
 и силамъ — кпо не имѣетъ слабостей?
 Усилія мои бытъ не бесполезнымъ чле-

номъ общества, есть конечно слабость; но слабость самая извинительная. Перо мое не омокалъ я въ желчь — естъ-я осмѣивалъ предрасудки и заблужденія, шо писалъ на общее лице. Чесъь каждого челоуѣка, естъ шо священное право, на которое благородной челоуѣкъ никогда не дерзнетъ покуситься. Посягать на чесъь челоуѣка, какого бы шо ни было, естъ, по мнѣнію моему, преступать первѣйшія обязанности общежитія, которое должно содержать въ границахъ благоприсойности всякаго благомыслящего челоуѣка.

Естьли случаи жизни, часто столь превращные, дозволятъ мнѣ — чрезъ годъ я опять поставлю пріяпнѣйшимъ долгомъ посвятить всѣ минушы мои, естъли не для пользы, шо по крайней мѣрѣ для удовольствія публики, кошо-рой одобреніе столь лестно для всякаго чувствительнаго сердца.

Издатель-

Р. S. Въ сей прешей части Журнала все въ прозѣ кромѣ *Замѣтаний в Франціи, Критическаго словаря, Писма изъ Милана, статьи о художествахъ и о дикости народовъ, разговора Цензора съ Сотивителемъ и писма къ защитнику Нового Стерна*, писано Издашелемъ.

П и с ь м о

къ защитнику Нового Стерна, въ отвѣтъ на письмо его, напечатанное въ XI книжкѣ Сѣвернаго Вѣстника (*).

Г. неизвѣстный! Хотя я не имѣю довѣрія отъ цѣлаго общества къ опроверженію вашего отвѣта на крипику, напечатанную въ 7й книжкѣ Журнала Россійской Словесности, хотя я имѣю сполько же права всшупаться за сочинителя крипики, сколько вы имѣли права защищать сочинителя комедіи и письмомъ вашимъ оправдывать всѣхъ тѣхъ, кои смѣялись въ Театрѣ надъ дурячествами молодого сентиментальнаго путешественника; но пакъ какъ и я былъ иногда въ Театрѣ, то позволю мнѣ сказать слова два не о комедіи, ибо о ней уже довольно говорено было, но о вашемъ отвѣтѣ, помѣщенномъ въ 11й книжкѣ Сѣвернаго Вѣстника.

(*) Прислано отъ неизвѣстнаго.

Соглашаюсь, что слова приведенные вами изъ крипики на комедію Новый Спернъ на 1 и 2 стр. вашего письма, ни сколько не относятся ни къ критикѣ на комедію, ни къ *Россійской Словесности*, хотя и напечатаны въ *Журналъ Словесности* и кого разумѣлъ сочинитель я не знаю. Но вы желая показать дурной слогъ сочинителя крипики, выписавъ изъ 4 спрокъ слова его: *а какъ... такъ таковъ... каковъ... также и пр.* говорите, что *читатели занимающіеся хорошимъ слогомъ замѣтятъ съ удовольствіемъ въ выписанномъ вами отрывкѣ образцы чистаго и пріятнаго слога и что неспорно ослабвиной и хитрости земной, все утверждаете, что сочинитель не одаренъ нѣжною смихомъ.* Соглашаюсь, что вы нашли слабое мѣсто. Но Г. неизвѣстный, осмѣивая погрѣшность надобно по крайней мѣрѣ осперечься, чтобы не дѣлать самому пакихъ же. Посмотрите на 1 ю страницу вашего письма и вы найдете тамъ слѣдующую рѣчь: *На передѣ однакожъ нужно будетъ отдѣлить отъ нее (опъ крипики) постороннія ваши разсужденія, которыя*

не знаю къ кому, и къ чему относятся по конетно не къ комедіи, о которой и пр. Такое непріятное спеченіе словъ въ двухъ спрокахъ: *которыя*, о которой, къ кому, къ чему, конетно, комедіи, не доказываютъ, чшобы и вы были одарены *нѣжнѣмъ* слухомъ. Опдаю на судъ вашъ — рѣшите сами: въ сей погрѣшности, не на равнѣ ли вы съ тѣмъ челоукомъ, копораго вы осмѣиваете?

Позвольте мнѣ привести еще одинъ примѣръ вашего слога, а послѣ я буду отвѣчать на письмо ваше точно въ томъ порядкѣ, какъ оно писано. На стр. 9 вашего письма, вы говорите, чшо *Сонетъ Котиновъ, не разстроилъ обѣдъ гостнаго гражданина*; не знаю разстроилъ или настроилъ Сонетъ сей, чей либо ужинъ или обѣдъ, мнѣ кажется, чшо свойство нашего языка и самой здравой разсудокъ, не позволяеть *разстроитъ* по, чего *настроитъ* невозможно.

Естьли бы я былъ приспращенъ я бы умолчалъ о томъ, что ешь хоро-

шаго въ вашемъ письмѣ, пакъ какъ вы сдѣлали съ кришикою; но не зная ни сочинителя комедіи, ни кришика, ни васъ, ни издашеля сего Журнала, я не могу быть приспращенъ.

Вы много говорите въ письмѣ вашемъ о правилахъ кришики; но для чего же сами неслѣдуете онымъ? Вы говорите, что кришикъ долженъ быть безприспращенъ, а письмо ваше отъ начала до конца наполнено колкостями на щепъ сочинителя кришики. На спр. вы говорите: *я бы вамъ упомянулъ о древнемъ комическомъ писателѣ Аристофанѣ, который осмѣивалъ Сократа, Клеона и Еврипида, называя ихъ по имени въ своихъ комедіяхъ; но полагаю, что вы мало читаете древнихъ.* Не говоря уже о томъ, что дурной примѣръ Аристофана не можетъ быть подражаемъ въ благоустроенномъ обществѣ и что имена и маски употребленные симъ древнимъ комикомъ, не могутъ быть терпимы въ нашемъ вѣкѣ и что Крапесъ оставившій личныя комедіи, сдѣлалъ не маловажную эпоху въ исторіи Театра.

ра — оставя это, я спрашиваю у васъ: слѣдуете ли вы правилу общему, что критикъ долженъ быть безпристрастенъ и съ кропостію замѣчать погрѣшности? Вы предполагаете, что *Согинитель критики не гиталъ древнихъ*. Оставляя ему поблагодарить васъ за осирую шупку, мнѣ кажется, что ни вы, ни-я, ниже другой кто, не можетъ знать лучше его самого чиналъ ли онъ древнихъ или новыхъ сочинителей. По чему вы знаете? Можетъ быть сочинитель Критики имѣетъ большія познанія въ древней Словесности? Я опять повторяю вамъ, что Критикъ долженъ быть безпристрастенъ и судя сочиненіе долженъ забыть о сочинителѣ. Положимъ что онъ не чиналъ Аристофана въ подлинникъ незная Греческаго языка; но Лагарповъ Лицей не шакаа рѣдкая книга, и писана не на Тарабарскомъ языкѣ, ее читающіе не одни ученые мужи, можетъ быть Сочинитель Критики заглянулъ въ первые два тома Лагарпова Лицея и получилъ нѣкоторое понятіе о древней Словесности. Во

всякомъ случаѣ, Г. неизвѣстный, не погрѣбно великой учености, чшобы знашь одну шолько *номенклатуру* древнихъ сочинителей.

Вы признаетесь, что вы не читали новыхъ путешествій — напрасно. Прочитайше путешествие г. Измайлова по полуденной Россіи и вы увидите, что при хорошемъ слогѣ оно заключаетъ въ себѣ много полезнаго, по крайней мѣрѣ такого, что ни кѣмъ еще не было описано. Читая Паласа, Гмелиныхъ и Крашенинникова, не худо прочесть Карамзина и Измайлова. Английская публика съ удовольствіемъ читаетъ Кука и съ не меньшимъ удовольствіемъ Йорика. Оба путешествовали; но съ разною цѣлю. Письма Йорика къ Элизѣ и Элизы къ Йорику хотя и не содержатъ въ себѣ ни библиографическихъ извѣстій, ни географическихъ описаній, ни астрономическихъ наблюдений, но не менѣе шого они пріятны. Аксиома, что *нѣтъ той книги, въ которой бы не было чего нибудь полезнаго*, извѣстна всѣмъ и безъ сомнѣнія должна быть извѣстна и вамъ. И шопѣ кто хо

чѣтъ украсить разумъ свой познаніями, долженъ все читать и изъ всего извлекать пользу.

Вы говорите, что крипику не позволяется превращать мысли сочинителя и между тѣмъ сами превращаете мысли того, кого крипикуете. Сочинитель Крипики на комедію Новой Спернъ говоритъ, что „служить опечеству похвально и должно; но что быть полезнымъ оному „можно различнымъ образомъ. Одинъ „нещадишь жизни своей защищая опечество, другой старается о внутреннемъ онаго спокойствіи, претій усовершенствываетъ словесность, чепвертый путешествуя по оному пріятною кистию описываетъ предметы „ему встрѣчающіеся и тѣмъ занимается и научаетъ своихъ соопечественниковъ и п. д., Вотъ мысль сочинителя, въ которой я не нахожу ничего нелѣпаго. Вы сократили сію рѣчь, обезобразили, осмѣяли въ своемъ письмѣ, старались — но не могли сдѣлать нелѣпою.

Хотя въ Кришикѣ на комедію не заключалось и не могло ничего заключающагося о церковныхъ учипеляхъ; но вы не оставили ихъ въ покоѣ и весьма къ спашу, конечно въ подкрѣпленіе защищаемой вами комедіи, привели шекспиръ изъ посланія Св. Павла. Въ другомъ мѣстѣ вы пишете, что *церковные учителя, проповѣдники, философы, написали цѣлыя и пространныя книги противъ пороковъ. Первые изъ нихъ, по словамъ вашимъ, основывали разсужденія свои на утверженіи Евангеліе, а послѣдніе на нравственности.* — Тутъ я остановлю васъ. Оспаривайте мнѣ г. неизвѣстный, скажите, какую разность находите вы между Евангеліемъ и нравственностію? Евангеліе, сія священнѣйшая изъ книгъ, не заключаешь ли въ себѣ ту чистѣйшую нравственность, основанную на непреодолимыхъ истиннахъ, которая, если бы мы могли оной въ точности слѣдовать, уподобила бы насъ Ангеламъ? Какое же раздѣленіе находите вы между Евангеліемъ и нравственностію? Гдѣ

почерпнули вы столь полезную и утешительную мысль? Не ужели вы забыли, что учение Евангельское есть источник добродетели и нравственности? Не ужели не знаете вы, что самые атеисты отвергавшие бытие Бога, плынялись чистою нравственностію сей Святой книги? Прочитайте ее и вы увидите, что она содержитъ въ себѣ ту нравственность и тѣ уроки Святой добродетели, которыя могли быть внушены только Богомъ? Я не смѣю думать, чтобы это былъ образъ вашихъ мыслей — я лучше соглашусь, что это ошибка — въ противномъ случаѣ вы достойны сожаленія.

Оспоривъ первой вопросъ кристики, вы приступаете къ другому и говорите, что *о любимой собакѣ тужить можно, но горевать не позволительно, потому что чувства сердца человеческого могутъ обращаться къ предметамъ благороднѣйшимъ и достойнѣйшимъ привязанности нашей.* Вы хотите, чтобы человекъ повелевалъ чувствами своими, но мы кажемся, что человекъ чувствит-

пельной не властенъ въ чувствахъ своихъ. Вы помираете со смѣху, когда Графъ Пронской (*) заплакавъ говоритъ: *слеза! жертва дружбѣ!* а для меня это ни мало не смѣшно. Чувствительной человѣкъ платитъ любовью за любовь. Жестокосердый человѣкъ имѣетъ сердце закрытое для дружбы и пощѣ, кто равнодушно смотрѣлъ на ласки собаки, пощѣ врядъ ли можетъ отвѣчать на ласки человѣка. Конечно человѣкъ живущій въ разсѣяніи, полагающій все счастье въ исканіи, будетъ любить больше покровителя нежели собаку — такіе люди не любятъ ни женщинъ, ни животныхъ, самая природа мертва для нихъ, ибо они любятъ только себя. Но загляните въ другое состояніе людей — спросите человѣка оставленнаго, угнѣбленнаго всѣми, спросите человѣка испытавшаго непостоянство счастья и переменну мнимыхъ друзей, спросите его, говорю вамъ, и онъ вамъ скажетъ,

(*) Д ствующее лице въ комедіи Новый Стернь.

что друзья оставили его, забыли, презрѣли, что съ переменною щастія все переменялось для него, кромѣ вѣрной собаки, которая и въ изобиліи и въ нищестѣ равно его любила. Взгляните на нищаго лежащаго на камнѣ въ рублищѣ и смотрите на вѣрную собаку его, которая одна осталась для него на всемъ мірѣ — осталась — и раздѣляетъ безъ роптанія черствой ломоть хлѣба, поданный ему сострадательною рукою. Она поща, худа; но благодарность и дружба подають ей новую силу, къ пренесенію бѣдствій ея господина. Скажите сему спраждающему что *человѣкъ долженъ обращать чувства свои къ предметамъ благороднѣйшимъ* и онъ въ отвѣтъ покажетъ вамъ рублище и слезы! отнимите у него послѣдняго друга его собаку, и вырвите несчастное сердце изъ изсохшей груди его!

Прочитайте похвалу собачкѣ въ *Magazin Encyclopedique* и вы увидите, что Маркизъ Мемонъ, авторъ сей піесы, жившій въ блестящую эпоху Фран-

ціи въ лучшемъ кругу людей, не стыдился плакать о своей собачкѣ.

Разкройте Миеологію и вы увидите, что собака всегда была изображеніемъ вѣрности, и что древніе нестыдились вѣрять имъ охраненіе храмовъ своихъ. Слова Кузнечонка приведенные вами ни какой не имѣютъ силы. Авторъ вывелъ его полоумнымъ; но копя бы и эшаго не было, неужели вы переѣните образъ вашихъ мыслей и даже преобразуете совершенно вашъ характеръ при одномъ возраженіи вашего старосты, или кузнеца? Крестьяне знаютъ лучше Профессора Словесности, какъ удобрятъ землю; но недумаю, чшобы какой спихотворецъ спрашивалъ у своего кучера его мнѣнія о Поэмѣ? Народъ вездѣ народъ. Мужикъ въ Лондонѣ пришедъ въ Театръ не дослушалъ пѣсы, *то мнѣ тутъ дѣлате?* сказалъ онъ, *эти господа говорятъ о своихъ дѣлахъ?* Неужели послѣ эшаго, намъ должно уничтожить всѣ театры?

Вы прислушаете къ разсмотрѣнію прешьяго вопроса и послѣ сихъ словъ

сочинителя крипики: „Кто унижаетъ
 „права человѣчества, шутъ перваго
 „унижаетъ себя.“ Вы восклицаете:
Господинъ докторъ правъ человѣчества! Не
 могли опровергнуть сей истины, вы
 хотѣли оборонить ее въ шутку; но
 шутка ваша не можетъ относиться на
 шутъ сочинителя крипики, ибо онъ не
 думалъ, да и весьма бы не у мѣсца
 было, писавъ о комедіи, говорить о уг-
 нѣженіи человѣчества. Онъ сказавъ,
 что въ комедіи своей Сочинитель сна-
 рается низить поселянъ, заключаетъ,
то тотъ кто унижаетъ права человѣчества
перваго унижаетъ себя. Гдѣ же шутъ
 заскупленіе за угнѣженное человѣче-
 ство? Комедія не можетъ ни угнѣшать,
 ни облегчать судьбы людей. Выдаетъ
 ли сочинитель Крипики себя *докторомъ*
правъ человѣчества? Но если бы онъ
 и вступался за угнѣженныхъ судьбою,
 что вы шутъ смѣшнова находите? Не
 слѣдуете ли вы сему стиху Воль-
 шера:

Batir est beau, mais detruire est sublime.

Не думаете ли вы, что лучше угнѣтать челоуѣчество, нежели защищать оное? Нѣтъ Г. неизвѣстной, бытъ защитникомъ угнѣщенныхъ легко и сколько вы ни шупите; но имена Пена и Ласказаса никогда не будупъ предмѣпомъ насмѣшекъ!

Сочинитель кришкики привелъ исторической примѣръ, а вы говорите ему, что *въ Исторіи нѣтъ правилъ къ сочиненію комедій*. Такъ ли должно кришковашь и по ли хотѣлъ сказать Сочинитель? Искать правилъ къ сочиненію комедій въ Исторіи, паже смѣшно, какъ искать ихъ въ Бишинговой Географіи или въ Математикѣ Безу. Ссылаюсь на всѣхъ, кто читалъ Кришкику на Новаго Сперна, что Сочинитель никогда и не думалъ о томъ что вы ему приписываете. Онъ привелъ исторической примѣръ, чтобы опровергнуть мнѣніе Сочинителя и шупъ уже дѣло было не о комедіи, но о мнѣніи сочинителя. Помилуйте, Г. неизвѣстный, не вводитите на кришкака того, чего у него въ умѣ не бывало!

Вопрь все что я хотѣлъ вамъ ска-
затъ. О заключеніи вашего письма я
нескажу ни слова — оно сполькоже для ме-
ня непонятно, сколь непонятно для васъ
начало Крипики. Должно думать, что
заключеніе письма вашего относится на
лице сочинителя. Его дѣло опвѣчать на
это. Вы сказали, что приведенные ва-
ми слова изъ Крипики *не принадлежатъ*
ни къ Критикѣ на комедію, ни къ Россій-
ской Словесности, хотя и напечатаны въ
Журналъ Словесности; а я скажу вамъ,
что заключеніе вашего письма не при-
надлежитъ ни къ опвѣсту на крипику,
ни къ вѣспямъ Сѣвера, хотя и напеча-
тано въ Сѣверномъ Вѣспникѣ.

Оконча письмо вы оспаетесь не-
покорнымъ мнѣнію крипика о Новомъ
Спернѣ; а мнѣ позволите оспаться не-
покорнымъ вашему приговору чувствительности.

Неизвѣстной.

Конецъ шрешей и послѣдней части.

Декабря 22 дня.

ОГЛАВЛЕНІЕ

шрешей Частии.

№ 9.

	<i>Стран.</i>
I. Исторія бѣдной Марьи — — —	3
II. Мечта — — — — —	13
III. Рускіе анекдоты — — — —	19
IV. Замѣчанія о нынѣшнемъ состояніи Франціи — — — — —	25
V. Сентябрь — — — — —	33
VI. Тирсисъ — — — — —	37
Басни:	
VII. Осель и Барсъ — — — — —	41
VIII. Вывѣска — — — — —	43
IX. Марышка и Азоръ — — — — —	45
X. Извѣстія и смѣсь — — — — —	47

№ 10.

I. О Пнинѣ и его сочиненіяхъ — —	57
II. Ода на правосудіе — — — —	67
III. Опытъ Кришико-Философическаго Словаря — — — — —	74
IV. Стихи на заложеніе Ново-Черкаска	89
V. Стихи на музыку Гайдена — —	94
VI. Импропту на смерть Пнина — —	59
VII. Стихи на кончину И. П. Пнина —	96
VIII. Стихи на кончину И. П. Пнина —	98
IX. Письмо изъ Милана — — — —	102

№ 11.

	<i>Стран.</i>
I. Похвальная рѣчь собачкѣ —	111
II. Замѣчанія о нынѣшнемъ состояніи Франціи, продолженіе — —	129
III. Краткое Историческое обозрѣніе Художествъ — — —	135
IV. Ошашки дикости въ образованныхъ народахъ — — — —	141
V. Благородной поспупокѣ — —	151
VI. Соловей и кукушка — —	154
VII. Эпиграмма — — — —	157
VIII. Impromptu — — — —	—
IX. Извѣстіе о Россійскихъ книгахъ	158

№ 12.

I. Разговоръ Цензора съ Сочинителемъ	161
II. Пѣсня — — — — —	169
III. Саширическія Вѣдомости — —	173
IV. Къ читателямъ сего Журнала —	183
V. Письмо къ защитнику Новаго Спер- на — — — — —	191
